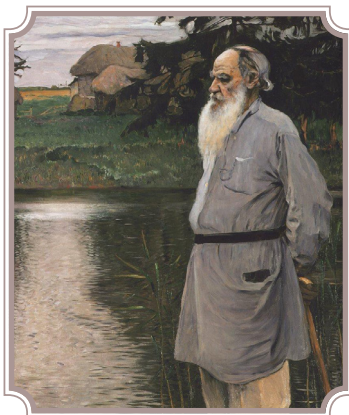

Министерство культуры Республики Крым
Государственное бюджетное учреждение культуры
Республики Крым
«Крымская республиканская универсальная научная
библиотека им. И. Я. Франко»

Отдел культурно-досуговой работы

ТОЛСТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ - 2020

Сборник материалов

Симферополь
2020

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Т 53

Толстовские чтения – 2020 : сборник материалов / Министерство культуры Республики Крым, Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко, отдел культурно-досуговой работы ; сост. И. Е. Брызгунова ; ответственная за выпуск Е. В. Ясинова. – Симферополь, 2020. – 68 с.

Сборник содержит доклады, представленные авторами в рамках II Толстовских чтений, проходивших в 2020 году на базе Крымской республиканской универсальной научной библиотеки им. И. Я. Франко в онлайн формате. Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Составитель:	И. Е. Брызгунова
Ответственные за выпуск:	Е. В. Ясинова
Научный редактор:	к.п.н О. О. Кондратенко
Редактор:	И. А. Носкова
Компьютерная верстка:	Ю. И. Борозна

© Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Крым «Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко», 2020

Содержание

Предисловие	4
Белоусова Е. В. «Влияние идей Л. Н. Толстого на жизнь и творчество И. А. Бунина»	6
Курьянова В. В. «Чисто вписано в бумаги, да забыли про овраги...» («Севастопольская песня» в творческой биографии Л. Н. Толстого)	14
Сенчин Р. В. «Необходимая опасность Толстого»	27
Фесенко А. А. «Лев Николаевич Толстой – участник Крымской войны и Почетный гражданин города Севастополя. Краеведческое исследование»	31
Калинина О. А. «Продвижение бренда города через бренд библиотеки»	41
Кикоть Н. В. «Мотив сновидений в повестях Л. Н. Толстого»	48
Ковалёва Ю. К. «Толстовский миф в романе В. Пелевина “t”»	57

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот человек сделал поистине огромное дело: дал итог пережитого за целый век и дал его с изумительной правдивостью, силой и красотой. Не зная Толстого — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком.

*Максим Горький
писатель, поэт, прозаик, драматург*

Его имя ещё при жизни стало легендой. Лев Николаевич Толстой – один из величайших писателей-романистов мира, один из самых замечательных художественных гениев, каких когда-либо знало человечество.

Как и любой гений, Л. Толстой был многогранной личностью. Он является не только крупнейшим мировым литератором, но также философом, педагогом, общественным деятелем, религиозным мыслителем и просветителем. Его авторитетные взгляды, убеждения и религиозно-философские учения легли в основу целого религиозно-этического общественного течения, которое называют толстовством.

Гениальные произведения Толстого по праву считаются литературной сокровищницей России. Писатель оставил после себя большое творческое наследие, которое в период с 1928 по 1958 гг. было опубликовано на страницах полного 90-томного собрания сочинений. В СССР произведения Льва Толстого были выпущены в количестве 3199 изданий общим тиражом около 500 миллионов экземпляров на 114 языках, что сделало его самым издаваемым писателем в стране. Впрочем, Толстой принадлежит к числу самых читаемых и почитаемых классиков не только на Родине, но и во всем мире.

Время неподвластно над его бессмертными творениями, в которых запечатлена неповторимая личность гениального художника и великого мыслителя. Трудно назвать какого-нибудь значительного деятеля русской и мировой культуры, который бы не испытал на себе благотворное воздействие личности Льва Толстого.

С его творчеством мы знакомимся ещё в детстве. Сначала это «Азбука» и рассказы для детей, затем автобиографическая трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность». А в зрелые годы многие из нас часто перечитывают и пытаются осмыслить его великие романы «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». Все литературные произведения Льва Толстого актуальны и сегодня. Основной их смысл заключается в том, чтобы делать добро, не ожидая взамен ничего. Писатель призывает постоянно работать над собой и интеллектуально развиваться. Только систематически работая над своими пороками, человек достигает и заслуживает лучшего в жизни.

Предлагаемый читателю сборник составлен из докладов участников II Толстовских чтений, которые прошли на базе Крымской республиканской универсальной научной библиотеки им. И. Я. Франко 18 ноября 2020 года и были посвящены творчеству выдающегося русского прозаика и публициста. Среди авторов докладов – кандидаты наук, доценты, литературные критики, писатели и студенты-филологи, делающие уверенные шаги в науке. Сборник адресован специалистам-филологам, педагогам и широкому кругу читателей, интересующихся общими и частными вопросами современной филологии.

При составлении сборника использовались авторские тексты, стилистика которых сохранена.

Влияние идей Л. Н. Толстого на жизнь и творчество И. А. Бунина

*Елена Викторовна Белоусова,
старший научный сотрудник
музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»*

«Бунин в 1912 г., в середине своей жизни и в пору расцвета писательского таланта. Любовь к Толстому он пронесёт до конца жизни, величайшему из современников посвятит самое выдающееся произведение позднего, эмигрантского периода. В 1937 г. появится трактат «Освобождение Толстого» – сложный многоплановый труд, обобщивший размышления Бунина о величии гения, явившийся своеобразным «подведением итогов собственной жизни <...> и своего рода реквиемом, с незаурядной силой выразившим трагедию стареющего на чужбине художника» [1, с. 47].

В 1915 г. имя Толстого в первый раз появляется в «Автобиографической заметке»: И. А. Бунин вспоминает свою жизнь в Полтаве начала 1890-х гг. и время своего «увлечения толстовской проповедью» [9, с. 261].

В 1927 г. И. А. Бунин создаёт маленький шедевр – очерк «Толстой», где пишет: «Я чуть не с детства жил в восхищении им»¹ [5, с. 282]. Повествование начинается воспоминанием о том, как в сознании десятилетнего мальчика появился Толстой. Атмосфера детства будущего писателя была наполнена разговорами о нём; его отец А. Н. Бунин встречался с ним во время Крымской войны. «Откуда были у меня такие чувства к человеку, которого я ещё ни строчки не прочёл?», – размышлял Бунин. Он не помнил, когда именно начал читать произведения Толстого. По верному определению литературоведа О. Н. Михайлова «Толстой был “темой жизни” Бунина» [6, с. 189]. А. В. Бахрах, критик и мемуарист Русского Зарубежья, долгие годы живший в доме Буниных, писал, что в жизни писателя царил «своего рода культ Толстого» [5, с. 419].

¹ Здесь и далее будут приведены цитаты из данного очерка, не вошедшие в «Освобождение Толстого».

«Долгие годы я был по-настоящему влюблён в него, в тот мной самим созданный образ, который томил меня мечтой увидеть его наяву» [5, с. 283], – писал Бунин в очерке «Толстой». Задолго до знакомства с любимым писателем он проникся его идеями самосовершенствования, непротивления и опрощения, интересовался жизнью тех, кто решался осуществить это учение в жизни.

Переехав в Полтаву в начале 1890-х гг., И. А. Бунин стал толстовцем: «Конечно, – писал он, – не без тайной надежды, что это даст мне, наконец, уже как бы несколько законное право увидеть его» [9, с. 51]. Был и другой повод для «законного права» встретиться с Толстым, не упоминаемый Буниным, – начало литературной деятельности. В его ранней юношеской поэзии отчётливо выявились темы, характерные для творчества Толстого. В первых стихотворениях наряду с преобладающим лирическим мотивом природы Бунин затрагивает проблемы, присущие всей русской литературе.

До личного знакомства с Л. Н. Толстым Бунин не расстаётся с произведениями своего кумира. Восторженные чувства переполняют его, и 22 июля 1889 г. он пишет брату Юлию о чтении «Войны и мира», которая приводит его «в неистовый восторг»: «Что за прелесть, например, эта Наташа! Великое мастерство! Прямо благоговение какое-то чувствую к Толстому!» [9, с. 30]. В «Жизни Арсеньева» он упоминает о перечитывании «Войны и мира»: «Нет, лучше этого я ещё никогда ничего не читал! Впрочем, а “Казаки”, Ерошка, Марьянка? <...> Как это удивительно – я современник и даже сосед с ним! Ведь это всё равно, как если бы жить в одно время и рядом с Пушкиным» [6, с. 158-159].

Первое письмо к Л. Н. Толстому И. А. Бунин решил написать после прочтения повести «Крейцера соната» и «Послесловия» к ней. «Ваши мысли слишком поразили меня, – сообщал он Толстому 12 июня 1890 г., – высказанные Вами настолько резко, что я не то что не соглашаюсь с Вами, но не могу, так сказать, вместить Ваших мыслей. Хотелось бы спросить Вас кое о чём поподробнее» [2, с. 385].

Вскоре после первых писем к Толстому начинается «толстовское “послушание”», как Бунин назвал своё увлечение опрощением, вегетарианством, освоением простонародных профессий и распространением полезных знаний среди народа. В 1891 г. в Полтаве, где жило много толстовцев, он стал «прилаживаться к бондарному ремеслу и торговать изданиями “Посредника”» [9, с. 261].

В период увлечения толстовством меняется характер творчества И. А. Бунина: он начинает писать прозу, и один из первых рассказов 1892 г. – «Танька» он посылает Л. Н. Толстому «как человеку, каждое слово которого, – признаётся он, – мне дорого, произведения которого раскрывали во мне всю душу, пробуждали во мне страстную жажду творчества» [2, с. 387].

В 1891–1893 гг. во многих губерниях центральной России разразился голод, жертвой которого стали миллионы крестьян. В это время Толстой своим примером побуждает лучших представителей русского дворянства и купечества спасти народ, жертвовать деньги и открывать бесплатные столовые. Такую же направленность приобретает его творчество: жестокую и многим неведомую правду о русской деревне он рассказывает в статьях «О голоде», «Голод или не голод?», в начатом романе «Воскресение».

«Спасает людей от всяких бедствий, в том числе и от голода, только любовь. <...> Дела же любви по отношению к голодным состоят в том, чтобы отдать из двух кусков и из двух одежд голодному» [11, с. 29]. Эта главная идея всей публицистики Толстого тех лет была положена Буниным в основу ранних рассказов «Вести с родины», «На чужой стороне», в том числе – рассказа «Танька», который был послан Толстому.

Долгожданное знакомство И. А. Бунина с Л. Н. Толстым состоялось в январе 1894 г. в Москве. «Созерцание» кумира произвело на него «истинно потрясающее впечатление» [4, с. 261], – писал он в «Автобиографической заметке» в 1915 г. Более подробно об этой и последующих встречах Бунин рассказал в 1927 г. в очерке «Толстой».

Вскоре после знакомства, 15 февраля 1894 г. И. А. Бунин послал письмо Л. Н. Толстому, в котором жаловался на отсутствие душевного покоя, на неуверенность в том, «как

пойдёт жизнь, где и что делать», на смутное ожидание «чего-то» [10, с. 388]. В ответном письме Толстой советовал не ждать от жизни ничего, кроме того, что есть в данный момент: «Лучше только та, в которой требуется наибольшее напряжение духовной любовной силы», которая нужна для того чтобы «в мыслях и деле идти вперёд в деле христианского совершенствования и служения Богу» [2, с. 389].

Бунин впоследствии вспоминал, что получил от Толстого «несколько ласковых ответных писем» [5, с. 288]. Ныне известно только одно письмо Толстого, цитируемое выше, в котором, между прочим, писатель советовал Бунину как можно скорее оставить толстовство.

Бунин прислушался к этому совету, а хорошие и негативные стороны этого явления послужили творческим импульсом для создания художественного образа толстовцев. В 1895 г. он написал фельетон «На даче», где противопоставил бездуховность буржуазной интеллигенции и высокообразованного толстовца Алексея Каменского, променявшего житейские блага на суровый образ жизни, самоотречение и служение ближнему. Прототипом образа Каменского, обучавшего столярному делу юного Гришу, от имени которого ведётся повествование, в немалой степени послужил И. Б. Файнерман, последователь Толстого. Под его руководством Бунин постигал в Полтаве бондарное мастерство.

Кратковременное увлечение толстовством стало главной темой ещё одного небольшого рассказа, написанного в 1901 г. – «В августе». «Маленький хутор – поместье толстовцев, братьев Павла и Виктора Тимченков» [2, с. 246] с грязным скотным двором уже лишены всякой романтики, которая присутствовала в рассказе «На даче» при описании мельницы толстовца Каменского.

Известны четыре письма Бунина к Толстому, написанные после их знакомства. «Вы один из тех людей, слова которых возвышают душу <...> и у которых хочется в минуту горя заплакать и горячо поцеловать руку, как у родного отца!» [2, с. 391], – такими словами завершал он письмо к Толстому от 21 марта 1896 г.

В поздних дневниковых записях и художественных произведениях Л. Н. Толстой называет смерть «миром лучшим, вечным». Не являясь преемником эстетических и философских идей

Толстого, Бунин, тем не менее, в зрелый период своего творчества опирается на эти же постулаты. Это нашло своё максимальное выражение в религиозно-философском трактате «Освобождение Толстого». «Всю свою жизнь бившийся над разгадкой тайны смерти, Бунин приходит теперь к её поэтизации. В “Освобождении Толстого” смерть предстаёт разрешительницей всех противоречий и началом нового, неведомого существования» [7, с. 28]. Однако Бунин не поэтизирует смерть отстранённо, как художник, но видит в ней то же, что прозревал и Толстой: переходную черту между жизнью временной и вечной, к которой рано или поздно подойдёт каждый. Такая позиция вызывает вопрос, неизбежный для человека: как жить, в чём смысл жизни? – Ответ Бунин находит в философии Толстого: освобождение от жизненных форм пространства, времени и мышления. Эти размышления Толстого – «главное указание к пониманию его всего» [4, с. 7], – считал Бунин.

Главная тема первых пяти глав трактата – смерть Толстого, изображённая в жанре житийного канона, где все ступени жизни подчинены главной теме – уходу от мира и умиранию как освобождению души из уз тленной плоти и возвращению к Творцу. Автор поэтапно прослеживает, как «великий старец» шёл к окончательному «освобождению».

Астапово в начальных пяти главах присутствует постоянно как «завершение “освобождения”» [3, с. 7], иначе говоря – как конечная точка земли, где оставлены вериги жизни.

Шестая глава книги – воспоминания Бунина о знакомстве и встречах с Толстым. Её основу составил очерк «Толстой», написанный в 1927 г. Многие современники Бунина считали шестую главу самым лучшим портретом Толстого. Шестая глава является центром, смысловой сердцевиной книги. Во всех последующих частях до последней, двадцать первой главы Бунин снова возвращается к событиям смерти Толстого, чему преимущественно посвящены первые пять глав. В последующем развитии своей концепции автор добавляет к главной ноте философского «реквиема» всё новые и новые оттенки, бытовые подробности, которые он в то время узнавал от большого круга лиц, в том числе – от старшего сына писателя С. Л. Толстого; от тех, кто был на похоронах

в Ясной Поляне: Бунин не поехал на похороны сознательно, из желания навсегда сохранить в памяти живого Толстого.

И. А. Бунин в своей книге приводит изречения из Священного Писания, буддийских и исламских преданий, чтобы показать духовную близость Толстого с мыслителями и отшельниками всех времён и народов. Цитаты из произведений, дневников и писем Толстого, разнообразные изображения Толстым смерти, начиная от повести «Детство» до последнего шедевра – «Хаджи-Мурата», служат ему опорами и доказательствами основного тезиса, ключевой мысли книги – о неотмирности писателя, о его стремлении с ранних лет освободиться от бремени комфорта жизни и о жажде смерти как освобождения божественной души от земной плоти.

Размышления о том, от чего освобождался Толстой, как указано выше, проходит через всю книгу Бунина, и в её завершении он снова утверждает: «Это живой и радостный возврат из земного, временного, пространственного в неземное, вечное, беспредельное, в лоно Хозяина и Отца, бытие Которого совершенно несомненно» [4, с. 160]. В финальных строках книги автор предоставляет слово Толстому, который во время тяжёлой болезни в 1901 г., думая, что умирает, провозгласил гимн вечности истинного христианина: «От Тебя пришёл, к Тебе вернусь, прими меня, Господи!»² [4, с. 165].

Одна из первых рецензий на «Освобождение Толстого» принадлежит перу Г. Адамовича, который оставил прекрасный отзыв: «Толстой получился у него неизмеримо духовней, душевней, даже нежней, чем у кого бы то ни было, – как-то мягче, тише, беспомощней [8, с. 14].

В парижской квартире Бунина на его письменном столе всегда стоял «портрет Л. Н. Толстого, карандашный рисунок – дар его сына Л. Л. Толстого» [3, с. 442]. Помимо постоянного желания писателя видеть своего кумира, портрет был ещё и ностальгическим мучительным напоминанием по давно ушедшей эпохе и оставленному Отечеству.

И. А. Бунин не дожил до того времени, когда в России травля и замалчивание изгнанника сменились изучением его

² Эти слова Толстого слышал друг Бунина доктор И. Н. Альтшуллер, лечивший писателя в 1901-1902 гг. в Крыму.

многогранного творчества, позволившим по праву причислить его к великой классической русской литературе. На протяжении почти семидесяти лет издаются собрания сочинений классика. С замиранием сердца читатель слышит возвышенно-торжественный гимн тем образам Родины, которые до конца эмигрантской жизни согревали сердце Бунина: крестьянину и обедневшему дворянину, всей палитре человеческих чувств и взаимоотношений; лесу, степи, пашням и нивам, восходу и заходу солнца. Неотделимой частью Родины, высочайшим олицетворением ума и гениальности, прозорливости и неразгаданности был для него Толстой.

Литература

1. Бунин И. А. Собрание сочинений : в 5 томах / И. А. Бунин. – Москва, 1956.
Т. 5. Переводы. Из литературных воспоминаний. – Москва, 1956. – 526 с.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений : в 9 томах / И. А. Бунин. – Москва, 1965–1967.
Т.9. Освобождение Толстого; О Чехове; Автобиографические заметки, дневники, записные книжки, воспоминания. – Москва, 1967. – 622 с.
3. Голованова Т. П. В парижской квартире Буниных / Т. П. Голованова ; Л. Н. Назарова // Иван Бунин : в 2 книгах / редакторы: В. Р. Щербина (главный редактор) [и др.]. Кн. 2. – М., 1973. – С. 440–444 : фот. – Библиогр. в конце ст. – (Литературное наследство / Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького ; Т. 84).
4. И. А. Бунин : Новые материалы : II выпуск / составители О. Коростелев и Р. Дэвис. – Москва, 2004. – 544 с.

5. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И. А. Бунина : критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы) : антология / под общей редакцией Н. Г. Мельникова. – Москва : Книжница : Русский путь, 2010. – 926 с. – ISBN 978-5-903081-12-7.
6. Михайлов О. Н. И. А. Бунин. Жизнь и творчество / О. Н. Михайлов ; художник М. Рудаков. – Тула : Приокское книжное издательство, 1987. – 319 с. – (Отчизне посвятим).
7. Михайлов О. Н. Путь Бунина-художника / О. Н. Михайлов // Иван Бунин : в 2 книгах / редакторы: В. Р. Щербина (главный редактор) [и др.]. – Кн. 1. – М., 1973. – С. 7–56. – Библиогр. в конце ст. – (Литературное наследство / Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького ; Т. 84).
8. РГАЛИ. Ф. 44 (Бунин И. А.), оп. 2, ед. хр. 149. Газетные статьи и заметки о произведении И. А. Бунина «Освобождение Толстого».
9. РГАЛИ. Ф. 1292 (Бунин И. А.), оп. 1, ед. хр. 18.
10. Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. – Москва : Художественная литература, 1962. – 719 с.

«Чисто вписано в бумаги, да забыли про овраги...»
(«Севастопольская песня» в творческой биографии Л. Н. Толстого)

*Валерия Викторовна Курьянова,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы
факультета славянской филологии и журналистики
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*

Важное и до конца по-настоящему ещё не оценённое место в творчестве Л. Н. Толстого занимает песня, которая в разных источниках именуется то <«Севастопольской песней»>, то <«Песней о сражении на реке Чёрной 4 августа 1855 года»> и начинается словами «Как четвертого числа...».

Сражение на речке Чёрной состоялось 4 (16) августа 1855 года. С главной задачей, поставленной военным командованием – овладеть Федюхиными высотами, высотами Телеграфной и Гасфортовой и Сапун-горою – русские войска не справились. Результат сражения для них был тяжёлым. По официальным данным, русская армия потеряла в этом сражении 260 офицеров и 8010 нижних чинов. У Союзников выбыло из фронта около 1 800 человек, то есть в 4-5 раз меньше; из них погибло 172 солдата и 19 офицеров.

В творчестве Л. Н. Толстого <«Севастопольская песня»> воспринимается как нечто необычное по ряду причин.

Во-первых, писатель никогда не был сторонником стихотворных форм, а к концу жизни и вовсе отрицал стихотворные тексты в виду их бессмысленности, по его же словам.

Во-вторых, песня эта имеет форму шуточной народной (солдатской) песни, а подобная форма более у Л. Н. Толстого не встречается. Это общее место многих замечаний по поводу песни на самом деле не имеет под собой веских оснований: среди записей солдатских песен первой половины XIX века, периода Крымской войны, шуточные песни не встречаются.

В-третьих, своей иронико-сатирико-саркастической направленностью она резко диссонирует с патриотическим пафосом «Севастопольских рассказов».

Несмотря на ряд просторечных слов и выражений («нелегкая несла», «да спросту», «пока с духом он собрался» и т. п.), не говоря уже о непечатном выражении последнего куплета, в её стилистике скорее подчеркивается карнавальным, маскарадным характер. А это уже литературные свойства, далекие от свойств произведений народного творчества.

В нашем утверждении нет противоречия, поскольку, хотя карнавал, по М. М. Бахтину, не является формой литературы, а есть форма «обрядового характера», то есть все-таки явление фольклорное, тем не менее, когда писатель осуществляет «транспортировку карнавала на язык литературы», возникает феномен чисто литературного характера, который исследователь называет карнавализацией.

Переходные ритуалы играют понятиями “верх” и “низ”, внезапными превращениями, выбивая людей из привычной временной и пространственной колеи, ставя их на “порог”, на грань между прошлым и будущим, между старым и новым, знакомым и незнакомым, заставляя их символически переноситься на небо или в преисподнюю».

«Карнавал – это зрелище без рампы и без разделения на исполнителей и зрителей», – пишет далее М. М. Бахтин. И подчеркивает: «В карнавале все активные участники, все причащаются карнавалному действию, <...> живут в нем, живут по его законам...». Поэтому «карнавальная... жизнь – это жизнь, выведенная из своей обычной колеи...».

Этот выход «из обычной колеи» связан прежде всего с тем, что «на время карнавала... отменяется прежде всего иерархический строй и все связанные с ним формы страха, благоговения, пиетета, этикета и т. п., то есть всё то, что определяется социально-иерархическим и всяким иным... неравенством людей. Отменяется всякая дистанция между людьми, и вступает в силу особая карнавальная категория – вольный фамильярный контакт между людьми», что является «очень важным моментом карнавального мироощущения».

Указывая на литературные проявления «фамильяризации», М. М. Бахтин замечает, что она существенно отражается «на организации сюжета и сюжетных ситуаций», определяет

«особую фамильярность авторской позиции по отношению к героям (невозможную в высоких жанрах)», оказывает «могучее преобразующее влияние на самый словесный стиль литературы».

Говоря о бахтинской категории карнавальности, Ю. Кристева подчёркивает, что «карнавал ликвидирует субъекта: здесь обретает плоть структура автора как олицетворённой анонимности, автора творящего и в то же время наблюдающего за собственным творчеством, автора как «я» и как «другого», как человека и как маски».

Это «выводит» автора к сказовой форме. О. Ю. Осьмухина, обобщая знания о сказе, определяет его «как “двуголосое” повествование от лица персонажа-рассказчика, построенное на “чужом слове”, соотносённом со словом авторским, с установкой на театрализованное воспроизведение устного, разговорного монолога героя-рассказчика, ориентированного на слушателя».

Ю. Кристева уточняет момент профанирования, подчеркивая, что «карнавальный смех – это не просто пародирующий смех; комизма в нём ровно столько же, сколько и трагизма; он, если угодно, серьёзен, и потому принадлежащее ему сценическое пространство не является ни пространством закона, ни пространством его пародирования; это пространство своего другого. Современное письмо дает нам ряд поразительных примеров той универсальной сцены, которая есть и закон, и его другое, – сцены, где смех замирает, ибо он – вовсе не пародия, но умерщвление и революция».

У Л. Н. Толстого мы встречаемся как раз с профанированием и сказовостью. Сказовость подчеркивается народным (солдатским) стилем повествования, травестированием лирического героя. Что же касается профанирования, то уже в первой строфе:

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Горы отбирать (bis), –

прочитывается не только оценка предприятия как пустого, зряшного, что и обозначает фразеологизм «нелегкая несла»,

но благодаря контексту слово «нелегкая» прочитывается в соответствии с толкованием В. И. Даля: «нелёгкая сила, неладная, недобрая, нечистая, вражеская, бесовская», – то есть все словосочетание воспринимается в значении «черт понес». Армейское командование, поведшее солдат «горы отбирать», таким образом, это – «нечистая, вражеская, бесовская» сила. Профанирующий подход к генералитету и событиям, заявленный в первой же строфе, и задает тональность всему последующему тексту.

Так, генерал барон Вревский «пристает» к князю Горчакову только тогда, когда находится в лёгком подпитии – подшофе. В другом состоянии он, видимо, обращаться с требованиями и угрозами к командующему боится:

Барон Вревский генерал
К Горчакову приставал,
Когда под-шафе: (bis)

«Князь, возьми ты эти горы,
Не входи со мною в ссору,
Не то донесу» (bis).

И дипломатический в своей основе разговор двух высокопоставленных особ приобретает черты кабацкой пьяной болтовни и упреков.

В смешном и нелепом, умаляющем достоинство армейского генералитета духе изображен совет перед сражением:

Собирались на советы
Все большие эполеты,
Даже Плац-Беккок (bis).

Полицмейстер Плац-Беккок
Никак выдумать не мог,
Что ему сказать (bis).

Едва ли не главным лицом совета оказывается генерал-полицеймейстер главного штаба Южной армии А. П. Плац-бек-Кокум,

которого, судя по сохранившимся документам, и на совете-то не было. Да и что делать на военном совете полицеймейстеру, в обязанности которого входит следить за порядком в армейских частях? Поэтому он и не может «выдумать», «что ему сказать».

Совершенно в духе досужих сплетен звучит фраза «собирались на советы», хотя речь идет только об одном совещании. Несомненной находкой Л. Н. Толстого является метонимия «большие эполеты» в значении «генералитет». Она подчеркивает, с одной стороны, высокий статус участников, но с другой – подменяет людей их значимостью, а следовательно, делает их не боевыми генералами, исполненными высоких помыслов и устремлений во благо Отечества, а бездушными существами в мундирах, исполняющими предписанные им действия.

Поэтому именно таким, исполненным механистическими действиями, и выглядит весь военный совет:

Долго думали, гадали,
Топографы всё писали
На большом листу (bis).

В свете предыдущих строк песни слова «думали, гадали» воспринимаются именно в значении «механистично, бестолково», тем более, что писали-то «на большом листу», а толку чуть:

Чисто вписано в бумаги,
Да забыли про овраги,
Как по ним ходить (bis).

Афористичная ценность и поэтому популярность этой фразы как раз в подчеркнутой противопоставленности слова и дела, причём слова необдуманного, но зато «гладко» сказанного и поэтому «гладко вписанного», тем более, что по оврагам придётся ходить вовсе не тому, кто это слово произносил.

Сам способ профанирования событий в следующих строках подчеркивается демонстративно-игровым характером происходящего. Члены военного совета вместе с «топографами» превращаются в марионеток, которых дёргает за ниточки ими самими созданный план:

Выезжали князя-графы,
А за ними топографы
На большой редут (bis).

Сцена имеет подчеркнуто торжественный вид – вид очень значительного события: как-никак выезд видных сановников в сопровождении свиты. Снижается картина опять метонимическим приемом: перед нами не военачальники, а «князя-графы», то есть даже не люди, а наследственные титулы. Сквозь призму этих высоких титулов военачальники и воспринимаются, что значительно снижает (если вообще не снимает) их армейскую значимость. Свита же, состоящая из «топографов», вообще выглядит комично и ещё более снижает значительность «князей-графов».

Далее начинается прямо-таки драматическое действие. Если всё предыдущее было экспозицией, то здесь следует завязка конфликта:

Князь сказал: «Ступай, Липранди».
А Липранди: «Нет-с, атанде,
Нет, мол, не пойду (bis).

Туда умного не надо,
Ты пошли туда Реада,
А я посмотрю» (bis).

Любопытно, что автор переводит конфликт из ожидаемой плоскости (русские войска – войска коалиции) в плоскость нелепых препирательств между генералами, и даже вовсе невероятных, особенно в период военных действий, пререканий боевого генерала с командующим («Нет, мол, не пойду»), притом с переходом на личности: по тексту Липранди восхваляет себя («умного»), противопоставляя Реаду (читай – глупому).

Чтобы глубже понять, в чём заключается суть профанирования событий, необходимо помнить, что, во-первых, П. П. Липранди являлся одним из несомненных героев Восточной войны – автором единственного удачного для русской армии в Крыму Балаклавского сражения 13 (25) октября 1854 года, которое могло изменить ход войны, но не принесло зримого результата только

потому, что главнокомандующий князь А. С. Меншиков вовремя не оказал атаковавшим воинской поддержки. Л. Н. Толстой в письме тётушке Т. А. Ергольской от 17–18 октября 1854 года писал, что когда «узнали о победе Липранди», «все выглядели именинниками». 26 ноября 1854 года по случаю назначения П. П. Липранди «командующим войск в Севастополе», писатель записывает в дневнике: «Слава Богу! ...он любим и популярен, и популярен, не е[.....] матерью, а распорядительностью и умом». П. П. Липранди, таким образом, был, может быть, самым талантливым, самым умным и самым опытным военачальником из всего севастопольского генералитета, почему его и трудно заподозрить в том комическом высокомерном отношении и к генералу Н. А. Реаду, и к М. Д. Горчакову (командующему! – что для боевого генерала в пылу сражения уж и вовсе невозможно!), которое проявляется в песне.

Во-вторых, и сюжетное содержание этих строк, и песенные «слова» П. П. Липранди открыто диссонируют с трагической судьбой генерала Н. А. Реада, павшего в сражении на Черной речке. Служба на Кавказе под началом князя М. С. Воронцова, на фронтах Восточной войны характеризует его как храброго, разумного, толкового военачальника. Не все до сих пор ясно с распоряжениями Н. А. Реада и действиями его подразделений во время последнего для него сражения. Известно только истолкование событий М. Д. Горчаковым в отчёте о событиях этого дня, направленном императору. Что же касается непосредственных участников боя, то убит был не только Н. А. Реад, но также его начальник штаба и практически все старшие офицеры, поэтому истолковывать события с этой стороны было некому.

Л. Н. Толстой, таким образом, дал полную волю своей карнавально-маскарадной фантазии и не изобразил здесь, как, впрочем, и в предыдущем и последующем тексте, действительных исторических персонажей и ситуаций, а показал вызванный горечью поражения их гротесково-фарсовую художественную интерпретацию – несомненное профанирование событий.

Особенно примечательно употребление в тексте песни, и притом в воображаемых словах Липранди, отвечающего Горчакову,

французского слова «атанде». Здесь несомненна связь с известным пушкинским эпиграфом к VI главе «Пиковой дамы»:

«– Ата́нде!

– Как вы смели мне сказать ата́нде?

– Ваше превосходительство, я сказал ата́нде-с!».

Причем в эпиграфе обращение «ваше превосходительство» указывает именно на генеральское звание, что абсолютно точно сближает два текста. К тому же частица «-с» – требуемая в пушкинском тексте «его превосходительством» вежливая форма обращения – хоть и не прилеплена к атанде, но все равно фигурирует в песне («Нет-с, атанде»), отсылая к первоисточнику.

В комментариях В. Б. Томашевского к слову атанде в пушкинском тексте указывается, что это «русифицированная форма произношения французского слова *attendez*», но что особенно существенно – «карточный термин, в значении “не делайте ставки”». Поэтому получается, что генералы разговаривают между собой на привычном им языке карточной игры, а само сражение и его участники также превращаются в игру и игроков. «Умный» Липранди, таким образом, не готов делать ставки и предлагает сделать их, заведомо невыигрышные, Реаду, который им поэтому и воспринимается неумным. Добавим к тому же, что наша параллель между сражением и карточной игрой выглядит тем убедительнее, что Л. Н. Толстой в это время был азартным карточным игроком и проигрывал большие суммы (о чем свидетельствуют его дневник и письма), впрочем, как и многие его сослуживцы, которым тонкости смысла «фразы Липранди» не нужно было объяснять.

Следующие три песенных куплета демонстрируют усугубление конфликтной ситуации разнонаправленными действиями генералов:

Вдруг Реад возьми, да спросту,

И повел нас прямо к мосту:

«Ну-ка, на уру» (bis).

Мартенау умолял,

Чтоб резервов обождал, –

«Нет, уж пусть идут» (bis).

Генерал же Ушаков,
Тот уж вовсе не таков,
Все чего-то ждал! (bis)

Долго ждал он дожидался,
Пока с духом он собрался
Речку перейти (bis).

Карнавальная весёлость здесь достигается не только изображением абсурдности происходящего, но и сниженной, просторечной лексикой и фразеологией, характерной для сказа, создающей, в сопоставлении с трагичностью реальных событий, комический эффект: «да спросту», «на уру», «обождал», «не таков», «ждал... дожидался», «с духом... собрался».

А в следующих строках происходит тот самый перелом, о котором писала Ю. Кристева, говоря о тех сценах в произведении, «где смех замирает».

На уру мы зашумели, –

это последняя «веселая» строчка. А дальше: «резервы не поспели», «Кто-то переврал», «Нас пришло всего три роты, / А пошли полки», «Наше войско небольшое, / А француза было вдвое / И секунду тьма», «Ждали – выйдет с гарнизона / Нам на выручку колонна»... На фоне этой трагической неразберихи события последующих куплетов песни, описывающих действия генералов Остен-Сакена и Белевцева, воспринимаются уже вовсе не весело, а глупо и нелепо:

А там Сакен-генерал
Всё акафисты читал
Богородице (bis).

О пристрастии генерал-адъютанта Д. Е. Остен-Сакена (командовавшего севастопольским гарнизоном) к акафистам (церковным хвалебным песнопениям) можно почитать в рассказе «Фигура» Н. С. Лескова. 31 апреля 1889 года Лесков прислал Толстому корректуру своего рассказа «Фигура» с просьбой исправить и

дополнить фрагменты, касающиеся Остен-Сакена: «Не укажете ли в корректуре: где и что уместно припустить для вкуса и ясности о Сакене, которого Вы, – я думаю, – знали и помните. Пожалуйста, не откажите в этом, если можно...». Толстой сообщил автору некоторые подробности о характере и поведении набожного генерал-адъютанта. И, опираясь на сообщение Л. Н. Толстого, Н. С. Лесков характеризовал Остен-Сакена следующим образом: «Он ведь был страшно богомолен: непременно каждый день читал утренние и вечерние молитвы и три акафиста, а то иногда зайдётся до бесконечности. Случалось, до того уставал на коленях стоять, что даже падал и на ковре ничком лежал, а всё молился. Мешать ему или как-нибудь перебить молитву считалось – Боже сохрани! На это, кажется, даже при штурме никто бы не отважился, потому что помешать ему – все равно что дитя разбудить, когда оно не выспалось. Начнёт кукситься и капризничать, и тогда его ничем не успокоишь. Адъютанты у него это знали, – иные и сами тоже были богомолы – другие притворялись. Он не разбирал и всех таких любил и поощрял... Тогда между военными ходили разные нелепые слухи о Сакене: одни говорили, будто он имеет видения и знает от ангела – когда надо начинать бой; другие рассказывали вещи еще более чудные».

Однако, что касается сражения на Черной речке, то Н. И. Бурнашёва в комментариях к песне хоть и отмечает, что «известная набожность Остен-Сакена нередко становилась предметом скрытой или даже явной насмешки офицеров», однако утверждает: это «незаслуженный упрек Д. Е. Остен-Сакену, который не слышал сигнала не потому, что “акафисты читал”, а потому, что Горчаков не подал этого сигнала».

И наконец, что касается следующих слов песни:

А Белевцев-генерал,
Он все знамя потрясал,
Вовсе не к лицу (bis), –

то роль генерала Белевцева в заключительной части сражения состояла в том, чтобы, размахивая знаменем, собрать оставшихся в живых солдат. Почему у Л. Н. Толстого появилась фраза «вовсе не к лицу» (то есть «глупо», «нелепо»), объяснить можно только

тем, что ситуация осталась для многих участников неразъясненной, а в обыденном понимании, конечно, «знамя потрясать» – вовсе не генеральское дело. Эпизод этот, таким образом, тоже удачно вписывался в карнавальнЫй контекст.

В последнем же куплете, совсем по Ю. Кристевой, «вовсе не пародия, но умерщвление и революция»:

И пришлось нам отступить.

<Р..... же ихню мать>,

Кто туда водил (bis).

Первая строчка куплета – именно «умерщвление», поскольку событие горестно, смертельно в самой своей сути (первоначальный замысел полностью перечеркнут, умерщвлен).

А две последние строчки – «революция» – переход в другое состояние, так как ругательство, заключенное в них, вызвано вовсе не карнавальнОй веселостью, но отчаянием, связанным со «смертью».

Таким образом, карнавальная веселость перешла в свою противоположность.

«Революционностью» песни (перетеканием карнавальности в свою противоположность, наличием в песне как карнавальнОго, так и противоположного ему начал), на наш взгляд, прежде всего и объясняется тот факт, что она быстро распространилась в Крымской армии. Более того, популярность песни шагнула далеко за пределы Севастополя. Двадцатилетний Н. А. Добролюбов 23 января 1856 года записал в своем дневнике песню Л. Н. Толстого и песню «Как восьмого сентября...» и отметил: «Не знаю, как в Крыму, но в Петербурге эти песни имеют большой успех. Их читают и списывают. Мне случалось встречать офицеров, которые знают их наизусть».

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – 5-е изд., доп. – Киев : Next, 1994. – 509 с. – ISBN: 5-88316-018-X.
2. Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений : в 6 томах / Н. А. Добролюбов ; под общей редакцией П. И. Лебедева-Полянского. – Москва : Гослитиздат, 1934–1941.
Т. 6 : Сатира. Стихотворения. Рассказы. Дневники. – 1939. – 852 с.
3. Касимов Р. Поэтика карнавала и переходных ритуалов: размышления по поводу понятия «карнавал» / Р. Касимов // Диалог. Карнавал. Хронотоп : журнал научных разысканий о биографии, теоретическом наследии и эпохе М. М. Бахтина. – 1995. – № 3. – С. 6–15.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Юлия Кристева // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / перевод с французского, составление и вступительная статья Г. К. Косикова ; редактор В. Д. Мазо. – Москва : Прогресс, 2000. – С. 427–457.
5. Лесков Н. С. Собрание сочинений : в 11 томах / Н. С. Лесков ; под общей редакцией В. Г. Базанова [и др.]. – Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1956–1958.
Т. 8 / подготовка текста и примечания А. И. Батюто. – 1958. – 568 с.
6. Осьмухина О. Ю. Сказ / О. Ю. Осьмухина // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 4. – С. 236–237.
7. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 томах / А. С. Пушкин. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1937–1959.
Т. 8, кн. 1 : Романы и повести. Путешествия. – 1948. – 494 с.

8. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений = *Oeuvres complètes* : [юбилейное издание (1828–1928)] : в 90 томах / Л. Н. Толстой ; под общей редакцией В. Г. Черткова ; при участии редакционной комиссии в составе: А. Л. Толстой, А. Е. Грузинского, Н. Н. Гусева [и др.] ; издание осуществляется под наблюдением Государственной редакционной комиссии в составе: А. В. Луначарского, В. Д. Бонч-Бруевича, М. Н. Покровского и И. И. Степанова-Скворцова. – [Доп. и испр. изд.]. – Москва ; Ленинград : Гос. изд., 1928–1958. – 100 т.

Необходимая опасность Толстого

*Роман Валерьевич Сенчин,
писатель, литературный критик,
лауреат международной литературной
премии «Ясная Поляна»*

Сегодня кажется, что идеи Льва Толстого о братском единении людей совершенно несбыточны и враждебны тому мироустройству, что создалось и укрепляется на большей части мира. Человечество движется в противоположную сторону.

Полыхает несколько так называемых локальных, но необычайно жестоких, на уничтожение, войн. В том числе и на земле, где многие века жили рядом, вместе люди одной культуры, одного корня – малороссы, великороссы, казаки. Появляются новые и укрепляются старые границы. Сильные мира сего разбухают от материальных богатств, а большинство остальных хоть в чем-нибудь пытаются походить на них. Понятие «статусно» стало одним из самых ходовых – ради статусной машины, статусных часов, статусной вечеринки люди готовы пойти на что угодно...

Укрепляют свои позиции религиозные институты, эти, казалось бы, преодоленные в середине прошлого века формы общественного сознания. Прогресс, наука всё плотнее застилаются религиозными предрассудками. Особенно страшно, что эти религиозные институты сильнее и сильнее срастаются с институтами государственными. Это касается большинства регионов мира. Религии и государственная власть совместно сковывают людей накрепко, лишая их малейшей свободы. И физической и духовной.

Человеку, желающему быть свободным, негде спастись, кроме как вновь бежать в леса. Но и лесов, то есть, укромных мест, – всё меньше. Свободного человека с помощью техники разыщут везде и посадят за незаконный захват клочка земли, самовольно возведенных построек. Философа, решившегося общаться с людьми напрямую, заточат в психиатрическую больницу, группу людей, попытавшуюся создать некую форму самоуправления, объявят сепаратистами, а это подразумевает немалый срок заключения.

Суды точно такие же, что известны нам по произведениям писателей XIX века. Но судов этих во много раз больше, во много раз больше и тех, кого порой ни за что или за пустяк, или за инакомыслие отправляют за решетку. Этим инакомыслящих обвиняют в уголовных преступлениях, вплоть до убийств, как это, например, было с развалившимся, к счастью, делом общественного активиста Даниила Константинова.

Законы настолько сложны, что и сами прокуроры, адвокаты, судьи не способны разобраться в них. Законы придавлены подзаконными актами, нормативами... Правосудие очень часто не является правосудием. И это очевидно всем, каким-то образом с ним соприкоснувшимся. Но суды, тюрьмы, разнообразные колонии, это огромный бизнес, и камеры, бараки не должны пустеть хоть на небольшую часть – иначе огромное число людей останется без работы, средств к существованию.

Государственная форма для объединения той или иной общности людей, кажется, окончательно исключила иные формы. И пример единой Европы не должен нас обманывать – Европа, после веков вражды, кровопролитнейших войн, объединилась для себя, а не для окружающего мира. Да и, по-видимому, единство это не будет долговечным – оно трещит по швам, так как европейцы не понимают, ради чего они объединились, не видят цели объединения. Там есть свои страны-начальники и страны-чернь. И не исключено, что через несколько лет мы увидим в Европе очередной страшный пожар, воссоздание действительно отдельных, молодых, агрессивных государств.

За последние четверть века появилось немало таких молодых и агрессивных государств. После периода болезней, выздоровления, накопления силы они пытаются войти в ряд главных, продемонстрировать силу. Находят врагов, вспоминают о несправедливостях, возбуждают и горячат население... Как горько нам, россиянам, было ещё недавно, когда государство выражалось для обывателя в таких, например, предметах, как холодильник, телевизор, унитаз. По сути, большинство готово было ходить на работу, чтобы затем получать эти, предоставленные государством, удобства и блага.

Но сегодня государство, а точнее, те несколько человек, что находятся во главе его, требуют от нас настоящей преданности, готовят нас к тому, чтобы мы в любой момент принесли себя в жертву их интересам, прикрытым интересами государства. Тем более, что этим занимаются и некоторые наши собраты писатели, в том числе и относительно молодые и физически крепкие. Призывают других молодых и физически крепких ехать воевать. То есть – убивать и умирать. А сами сидят в своих кабинетах за компьютерами, посещают книжные выставки-ярмарки, в том числе и на пресловутом Западе, встречаются с читателями, ставят автографы...

Эта подготовка героических жертв преступна. И очень точно, по-моему, сказал не так давно Игорь Шафаревич: «К патриотическому чувству русских и апеллируют всегда, когда хотят их использовать в собственных интересах».

К сожалению, люди рады тому, чтобы их использовали. По сути, по-честному, нам неизвестен смысл нашей жизни, и мы готовы найти смысл в служении религии, государству, а чаще всего этим обеим институциям сразу. И не рассуждать, не заглядывать в те книги, которые породили ту или иную религию. Начнёшь рассуждать, станешь заглядывать, и поймёшь, что повсюду несоответствия и обман. И придётся искать новый смысл, а это мучительно. Мучиться душевно человечество хочет всё меньше. Мир духовно костенеет. И Россия не исключение.

На этом фоне и Толстой всё реже рассматривается как глубочайший мыслитель. О нём чаще упоминают как о враге и разрушителе государства, как о еретике, путанике, либерале и космополите в тех смыслах, какие этим словам придают сейчас. Ругательные смыслы...

Опасность для государства (каким бы оно ни было), для религии Толстой представляет огромную. Он, может быть, единственный со времён древнегреческих философов, кто так истово погрузался не в следствия, не в отдельные недостатки, а в суть. Разрушал фундамент, а не надстройки. И потому очень многое из того, что написано Толстым, не было опубликовано легально при его жизни, не было доступно широкому читателю в советское время. Сегодня же, когда любую статью Толстого найти довольно

легко, в том числе и благодаря интернету, нам внушают, что те или иные его суждения не стоит принимать буквально, что он заблуждался, ошибался, что его взгляды крайне противоречивы...

Замечательный русский писатель Петр Николаевич Краснов, например, так объясняет то, что статья Толстого «О государстве» не была им окончена:

«Сейчас, с высоты, а вернее – из ямы нравственного и всяческого падения прошедшего с той поры столетья, суммируя свой трагический опыт, мы вынуждены констатировать: государство как нужда, как безличная социализирующая сила возникло из необходимости защиты человека от самого себя, прежде всего, от самопожирания, от жалкого родоплеменного прозябания. От себя, монструозного, фатально наделённого тремя крайне противоречащими друг другу сущностями: телом и инстинктами животного, разумом-душою *Homo sapiens* и сверхразумным духом. Адская смесь – иначе, кажется, и не назовёшь...

Об это слово – «защита» – и «обопнулся», похоже, Толстой, не дав статье ходу; да и цензурная судьба её, судя по всему, была бы не из лёгких...».

Может быть, так и есть. Но еще достаточно молодым человеком Толстой высказал мысль, что для того, чтобы достичь цели, нужно увлечься дальше неё, нужно видеть одну эту цель перед собой...

Толстой верил в человека, его нравственные возможности. Трагедия человечества в том, что оно продолжает существовать, в принципе, по тем же правилам, по каким существовали стада первобытных людей. Нечто высшее посылает человечеству пророков, богочеловеков, гениев, но толку нет. И по большому счёту «весь этот мир наш – это», по прежнему, «маленькая плесень, которая выросла на крошечной планете», а не сад, каким он мог бы быть.

Лев Николаевич Толстой – участник Крымской войны и Почетный гражданин города Севастополя. Краеведческое расследование.

*Анжелика Артуровна Фесенко,
ученый секретарь Центральной городской библиотеки
им. Л. Н. Толстого ГБУК г. Севастополя
«Централизованная библиотечная система для взрослых»,
кандидат исторических наук*

По архивным документам было установлено девять дореволюционных почетных граждан Севастополя. Наиболее спорным является имя Льва Николаевича Толстого, которое неразрывно связано с Севастополем.

Подпоручик артиллерии Л. Н. Толстой прибыл в осаждённый Севастополь 7 ноября 1854 года. Его приезд совпал с периодом относительного затишья, наступившего после серьёзного испытания стойкости его защитников. Город поразил Толстого своей красотой, хотя большая часть домов, особенно ближайшая к неприятелю, была похожа на решето. В Севастополе Лев Николаевич прожил девять дней, успел осмотреть город, побродить между лабиринтами батарей, пообщаться со многими солдатами и офицерами [7, с. 56].

Лев Николаевич Толстой был прикомандирован к легкой 3-й батарее 11-й артиллерийской бригады, стоявшей на реке Бельбек. В Севастопольском гарнизоне состоял с ноября 1854-го по конец августа 1855 года, находился на Северной стороне, неоднократно приезжал в Севастополь в качестве квартирмейстера по поручениям.

Добровольцем принял участие в вылазке с 10 на 11 марта 1855 года с Камчатского люнета на вражеские позиции под руководством генерала С. А. Хрулёва. 1 апреля 1855 года батарею ввели в город, так как 4-й бастион был сильно повреждён, в его тылу на Язоновском редуте были поставлены на дежурство полевые орудия. Подпоручик Толстой дежурил на редуте с 1 апреля по 14 мая, меняясь через четыре дня с другими офицерами батареи. За участие в боевых действиях в Севастополе он был награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью: «За храбрость» [3, с. 12].

15 мая Л. Н. Толстой был назначен командиром отдельного горного взвода на реке Бельбек.

В романе «Война и мир» Л. Н. Толстой так описал небольшую артиллерийскую батарею: впереди располагались орудия, которые охраняли артиллерийский часовой, «сзади орудий стояли передки, ещё сзади коновязь и костры артиллеристов. Налево, недалеко от крайнего орудия, был новый плетёный шалашик» для офицеров. «Красотища какая!», – говорил Толстой о пейзажах Бельбекской долины.

Лев Николаевич своими глазами мог оценить укрепления, сделанные защитниками города, и позиции неприятеля. Лев Николаевич встречался и разговаривал с ранеными. «Дух в войсках свыше всякого описания», – сообщал он в письме к брату.

А вот какое любопытное наблюдение сделал он в своем дневнике: «Из начальников порядочными людьми оказываются здесь Нахимов, Тотлебен, Истомин». Его поразило то, что вместе с солдатами, пренебрегая опасностью, стойко защищали свой город все жители – и взрослые, и дети. Они восстанавливали разрушенные укрепления, готовили боеприпасы, оказывали помощь раненым и храбро сражались на бастионах. Увиденное вдохновило Толстого на написание «Севастопольских рассказов». В рассказе «Севастополь в декабре месяце» писатель создал обобщающий образ народа-героя. «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...», – такими словами завершает писатель этот рассказ [11, с 61].

Редактор журнала «Современник» Н. А. Некрасов дал «простор... вкусу» и таланту Л. Н. Толстого и напечатал его в своём издании. Опубликованный рассказ был восторженно встречен читателями, критиками и даже императором.

Однако после участия в отражении штурма с 10 на 11 мая 1855 года взгляды Толстого на происходящее меняются. В рассказе «Севастополь в мае» писатель смело и открыто размышляет о храбрости и геройстве защитников города, о жизни и смерти, о человеческой сущности, о добре и зле. И в то же время обличает пороки современного общества и срывает маски с офицеров-аристократов, со злой иронией отражая их неумное тщеславие, трусость и эгоизм. Героем его повествования стала Правда. Толстой как очевидец и непосредственный участник событий видит

жизнь, борьбу, страшную смерть и рассуждает о том, что бесчеловечность войны сталкивается с вечным стремлением человека и природы к миру и гармонии. Как актуальна эта мысль и в наше время! Очерк заканчивается доказательством бессмысленности войны [11, с. 89].

Поручик Толстой участвовал в сражении на речке Черной. Проигранное сражение закончилось гибелью тысяч людей. Лев Николаевич писал своей тётке Т. А. Ергольской: «Ужасный день: лучшие генералы и офицеры почти все ранены или убиты» [12, с. 261].

Так появилась сатирическая песня на подобие солдатских по поводу несчастного дела 4 августа 1855 года, когда генерал Ред, неправильно поняв приказ главнокомандующего, неблагоразумно атаковал Федюхинские высоты.

«Как четвертого числа
Нас нелегка несла
Горы отбирать...»

Песня, задевшая целый ряд важных генералов, имела большой успех и, конечно, навредила автору. Сатирические песни были запрещены цензурой, однако их передавали из уст в уста, переписывали в дневники. Студент педагогического института, будущий писатель Н. А. Добролюбов в своём дневнике заметил: «В Петербурге эти песни имеют большой успех... Мне случалось встречать офицеров, которые знают их наизусть» [6, с. 221].

Впервые они были опубликованы А. И. Герценом в 1857 году в журнале «Полярная звезда». Этими песнями Толстой навлек на себя гнев самодержавия. В письме к брату он писал: «Оказывается, я под присмотром тайной полиции» [12, с. 211].

В виду своей известности и пользуясь репутацией храброго офицера, Л. Н. Толстой мог сделать блестящую карьеру, но сам себе её «испортил». Именно сатира, имевшая огромный успех в народе, навредила автору.

24 августа, когда союзники начали шестую бомбардировку города, Толстой находился на Бельбеке. Здесь, «за двадцать верст» от Севастополя, был слышен непрерывный грохот, а тёмное небо, казалось, пронизывали огненные полосы. 27 августа писатель прибыл в пылающий город. Вечером того же дня по приказу М. Д. Горчакова русские войска стали переходить на Северную

сторону. Понтонный мост едва выдерживал проходившие по нему войска. Часть людей переправлялась на кораблях, которые потом были затоплены. Взрывались пороховые склады, погреба, батареи. На следующий день в городе наступила непривычная тишина, только изредка нарушаемая взрывами батарей. Севастополь горел. В этот памятный и печальный день Толстому исполнилось 27 лет и он стал свидетелем сдачи города. В письме к Т. А. Ергольской он писал: «Я плакал, когда увидел город, объятый пламенем, и французские знамена на наших бастионах» [12, с. 98].

6 ноября 1855 года Толстой в качестве военного курьера был послан в Петербург, где через год ушел в отставку. В конце 1855 года он был награждён медалью «За защиту Севастополя». По окончании Крымской кампании получил бронзовую медаль «В память войны 1853–1856 гг.» [4, с. 21].

Так закончилось первое пребывание Толстого в Крыму, которое сыграло в его жизни чрезвычайно большую роль. Год, проведенный в Крыму, значительно обогатил жизненный опыт Толстого, познакомил его с новыми жизненными ситуациями, в которых ярко раскрылись обычно скрытые черты человеческих взаимоотношений, обострил его внимание к социальным порокам общества, дал новые направления ряду его произведений.

В Севастополе Толстой бывал неоднократно: в 1885 года, в 1901 и 1902 гг. Толстой приехал в Севастополь уже как известный писатель, автор романов «Война и мир» (1863–1869), «Анна Каренина» (1873–1877), «Воскресенье» (1889–1899) [7, с. 124].

В 1908 году вся прогрессивная общественность России готовилась отметить 80-летие Л. Н. Толстого. В Севастополе на страницах городской газеты «Крымский вестник» публиковались статьи, посвящённые великому русскому писателю. Через газету городской голова Н. Ф. Ергопуло сообщал о том, что 27 августа состоится экстренное заседание городской Думы по поводу подготовки торжеств в городе, связанных с восьмидесятилетием русского писателя, участника севастопольской обороны 1854–1855 гг. Л. Н. Толстого. Действительно, заседание состоялось, и на повестке дня стоял один вопрос: «Избрать Льва Николаевича Толстого почетным гражданином г. Севастополя» [9, с. 323].

На заседании выступили представители от общественности города и городской управы. Архивные документы

свидетельствуют, что гласные единогласно проголосовали за избрание Толстого почётным гражданином города и приняли решение направить ходатайство на рассмотрение императору.

В тот же день Льву Николаевичу была отправлена телеграмма, в которой сообщалось: «Гласные Севастопольской городской думы, собравшиеся на экстренное заседание, единогласно избрали Вас, стоявшего в рядах защитников Севастополя в 1855 году, почётным гражданином Севастополя. Этим городская дума желала воздать дань безграничного почтения и уважения великому писателю-художнику и гуманисту в день его 80-летней годовщины...городской голова Ергопуло» [8, с. 211].

Современники Толстого в своих воспоминаниях писали о том, что Лев Николаевич не ожидал такого внимания, телеграмма растрогала писателя и он весь день рассказывал про севастопольскую эпопею.

Толстой часто вспоминал оборону города в письмах к друзьям и родным, писал об образцовой отваге, храбрости, стойкости и массовом героизме защитников Севастополя.

В рассказе «Севастополь в декабре месяце» писатель отмечал: «Итак, вы видели защитников Севастополя на самом месте защиты и идете назад, почему-то не обращая никакого внимания на ядра и пули, продолжающие свистать по всей дороге до разрушенного театра, – идете с спокойным, возвысившимся духом. Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, – это убеждение в невозможности взять Севастополь, и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа, – и эту невозможность видели вы не в этом множестве траверсов, брустверов, хитро сплетенных траншей, мин и орудий, одних на других, из которых вы ничего не поняли, но видели её в глазах, речах, приёмах, в том, что называется духом защитников Севастополя...»

Вы ясно поймете, вообразите себе тех людей, которых вы сейчас видели, теми героями, которые в те тяжёлые времена не упали, а возвысились духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за родину...» [11, с. 62].

Однако официальным почетным гражданином Толстой так и не стал. Ему не была вручена папка на «муаровом подкладе, тиснённая золотом», с приветственным адресом.

Почему так произошло? Исследователи и краеведы спорят. У каждого своя правда. Я также выскажу своё субъективное мнение. К моменту подачи ходатайства Лев Николаевич Толстой отошел от многих дел. Стараясь следовать своим убеждениям и тяготясь барским укладом жизни, Толстой часто уходил из дома, бродяжничал. Правительство Николая II вынесло постановление, по которому Святейший Синод отлучил писателя от церкви. Все это вызвало волну возмущения в обществе и могло наложить отпечаток на его дальнейшую судьбу. Хотя многие считали его мыслителем, чье авторитетное мнение послужило причиной возникновения нового религиозно-нравственного течения – толстовства. Еще одна причина – это правда, достоверность в описании увиденного писателем в Севастополе, критика самодержавия в «Севастопольских рассказах».

Можно ещё вспомнить и знаменитую статью Толстого «Не могу молчать», где он страстно выступил против смертной казни, обличал самодержавие, беспощадно критиковал помещичье-полицейское государство, церковь. Эта статья была опубликована одновременно многими газетами Англии, Франции, Германии, Италии. В России её не пропустила цензура. Лишь некоторые газеты напечатали отрывки из неё и были оштрафованы. В Севастополе не только удалось опубликовать статью полностью, но и распространить среди населения, матросов и солдат. Она была опубликована 9 июля 1908 года в «Южном вестнике». Газета со статьёй Толстого была расклеена на афишных тумбах, стенах домов, киосков, ее раздавали жителям Севастополя. Часть тиража была отправлена в Ялту для бесплатной раздачи. За публикацию и распространение статьи «Не могу молчать» редактор С. А. Кострюков был арестован и посажен в тюрьму, а газета «Южный вестник» закрыта.

Вероятно, все эти факторы и могли послужить причиной того, что решение городской Думы от 27 августа 1908 года в связи с 80-летием писателя о присвоении участнику героической обороны Севастополя 1854–1855 гг. Л. Н. Толстому звания почётного гражданина города было отклонено императором Николаем II.

Не было никаких заметок по поводу почётного гражданства и в газете «Крымский вестник» за 1908 год. Исследователи указывают, что только через полгода в «Биржевых ведомостях»

за 9 марта 1909 года среди телеграмм от собственных корреспондентов появилось короткое сообщение под заголовком «Звание почётного гражданина Севастополя Л. Н. Толстому не дано министром внутренних дел». Эта фраза вызвала у меня недоверие, т. к. исследуя практику присвоения почётного гражданства, министр внутренних дел не обладал полномочиями присваивать данное звание. Он лишь готовил доклад императору, по которому «испрашивалось» разрешение на утверждение звания. Перепроверка биржевых ведомостей не подтвердила наличие такой заметки. Следовательно, авторы, указывающие на биржевые ведомости, просто переписали друг у друга не достоверную информацию. А их оказалось достаточно много: журналисты Михаил Лезинский, Ольга Сегачева, исследователь Наталья Максимова и другие.

В результате расследования был сделан запрос в Российскую государственную библиотеку (г. Москва). Получен ответ: «Сообщаем, что в газете «Биржевые ведомости» от 9 марта 1909 года отсутствует отказ Л. Н. Толстому в получении звания почётного гражданина Севастополя.

Однако в газете «Крымский вестник» от 7 марта (№ 62) за 1909 год имеется сообщение о том, что «ходатайство о присвоении звания почетного гражданина Севастополя графу Л. Н. Толстому..... оставлено без движения». Данный вопрос был «положен под сукно» [5, с. 23].

В 1910 году Л. Н. Толстой умер. Утром 31 октября он отправился в путешествие. Однако по дороге заболел воспалением легких и вынужден был в тот же день выйти из поезда на первой большой станции рядом с населенным пунктом. Этой станцией оказалось Астапово (ныне Лев Толстой, Липецкая область), где 7 ноября Л. Н. Толстой умер в доме начальника станции И. И. Озолина. 10 ноября 1910 года был похоронен в Ясной Поляне [14].

В Севастополе всегда любили и почитали Льва Николаевича Толстого. В 1922 году состоялось торжественное открытие музея, который в конце 1924 года по непонятным причинам и видимо не из-за неоднозначного отношения к писателю был расформирован. Большую часть экспонатов отправили в Толстовский музей

(г. Москва), а меньшую (ту, что относилась к Крымской войне) – внесли в состав коллекции Музея обороны [15].

К 100-летию со дня рождения писателя на Историческом бульваре у памятника воинам 4-го бастиона была установлена мемориальная плита с текстом: «В память годовщины со дня рождения Л. Н. Толстого пребывавшего здесь в Крымскую кампанию 1854–1855 гг. Поставлено Севастопольским горсоветом РК и КД 10 сентября 1928 г.». Многие исследователи считают, что плита была утрачена в годы Великой Отечественной войны. Однако старожилы утверждают, что она была на своем месте ещё в 1956 году.

1 сентября 1953 года решением Севастопольского исполнительного комитета городского Совета Центральная городская библиотека была названа именем Л. Н. Толстого. На фасаде здания библиотеки написаны слова: «Не может быть, чтобы при мысли, что вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...» [8, с. 361].

В Севастополе именем Толстого названа улица, которая находится на горе Матюшенко, между площадью Пирогова и ул. Гидрографической [8, с. 117].

В 1959 году на Историческом бульваре среди цветов и тенистых деревьев была установлена стела из серого полированного гранита с барельефным портретом Л. Н. Толстого из белого мрамора. Авторы Г. Н. Денисов и И. И. Степанов [8, с. 218].

С тех пор произошли большие изменения в жизни нашей страны, нашего народа. Но как бы там ни было, имя Льва Николаевича Толстого на века вписано в историю города. И хотя звание «Почётного гражданина города Севастополя» не было утверждено монархом (а оно присваивалось только при жизни кандидата), мнение самих севастопольцев и их общественное признание его заслуг могут служить основанием для того, чтобы считать Льва Николаевича удостоенным этого высокого звания.

Литература

1. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов / [И. И. Куликов, В. П. Кот, В. В. Крестьянников и др.]. – Севастополь, 2008. – 496 с.
2. Крымский вестник. – 1885. – 14 марта.
3. Крымский вестник. – 1908. – 28 августа.
4. Крымский вестник. – 1908. – 28 августа.
5. Крымский вестник. – 1909. – 7 марта.
6. Лаврин Я. Лев Толстой сам свидетельствующий о себе и своей жизни : перевод с нем. / Я. Лаврин. – Челябинск : Урал LTD, 1999. – 464 с.
7. Максимова Н. Севастополь в судьбе великого писателя. К 180-летию со дня рождения Л. Н. Толстого / Н. Максимова. – Севастополь : Вебер, 2008. – 284 с. – (Севастопольский альманах).
8. Севастополь : энциклопедический справочник. – 2-е изд., доп. и испр. – Севастополь : Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя. – 2008. – 1118 с.
9. Севастополь: взгляд в прошлое : сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / сост. В. В. Крестьянников. – Севастополь : ЧП Арефьев, 2006. – 356 с.
10. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 91 томе / под общей редакцией В. Г. Черткова. – Репринтное воспр. изд. 1928–1958 гг. – Москва : Издательский центр «Терра», 1992. Т. 59 : [Письма, 1844–1855 / ред. М. А. Цявловский]. – 1992. – XIV, 386, [1] с., [2] л. портр., факс.
11. Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы / Л. Н. Толстой. – Симферополь : Таврия, 1982. – 183 с. : ил.

12. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 91 томе / под общей редакцией В. Г. Черткова. – Репринтное воспр. изд. 1928–1958 гг. – Москва : Издательский центр «Терра», 1992. Т. 60: [Письма, 1856-1862 / подготовка текста и комментария М. А. Цявловского и др. ; предисловие С. Бычкова]. – 1992. – 557, [2] с.
13. У карты Севастополя : справочник / А. А. Ляхович., Л. А. Шорин., Е. В. Веникеев. [и др.]. – Симферополь : Таврия, 1982. – 222 с. : ил.

Продвижение бренда города через бренд библиотеки

*Ольга Анатольевна Калинина,
директор МУК «Тульская библиотечная система»*

Ещё при жизни Толстого его имя стало известно всему миру как имя великого писателя, оказавшего огромное влияние на развитие не только русской, но и мировой литературы. Ясная Поляна, родовая усадьба Толстого – самый посещаемый музей в мире, который притягивает к себе людей разных возрастов, взглядов, профессий и национальностей.

Центральная городская библиотека имени Л. Н.Толстого гордится своей историей и накопленным опытом работы. В 1949 году библиотека приняла своих первых читателей, а в 1977 году, в год 150-летия со дня рождения Льва Николаевича Толстого, Центральной городской библиотеке Тулы было присвоено его имя. Вот уже более 40 лет деятельность библиотеки связана с изучением наследия нашего великого земляка. Раскрывая перед читателями бесценное толстовское наследие, воспитывая их художественный вкус и любовь к литературе, ЦГБ им. Л. Толстого продолжает лучшие традиции русского просветительства.

ЦГБ им. Л. Н. Толстого осуществляет свою деятельность в рамках программы «Толстой – всегда современник». Цель и задачи программы – изучение и популяризация жизни и творчества Л. Н.Толстого, объединение усилий всех подразделений библиотеки для сохранения духовного, нравственного, научного и культурного достояния, сохранение имени Л. Н.Толстого; объединение и взаимодействие всех организаций города, библиотек России, носящих имя Толстого.

Библиотека тесно сотрудничает с Государственным мемориальным и природным заповедником Музеем-усадьбой Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», ТГПУ им. Л. Н. Толстого, а также с библиотеками, которые носят имя Л. Н. Толстого, в Москве, Новосибирске.

Особой заботой библиотеки стало создание фонда толстовской книги. Толстовский фонд располагает наиболее полным собранием произведений писателя и литературы о нем. Это одно

из крупнейших собраний такого рода в публичных библиотеках города Тулы. Оно насчитывает более 2000 экземпляров документов, в которое вошли книги, брошюры, журналы, изоиздания, аудио и видеоносители, электронные и оцифрованные издания, многочисленные досье публикаций.

Особую ценность Толстовского фонда представляет коллекция редких и прижизненных произведений Л. Н. Толстого и литературы о нем. Общее их число – около 90 единиц хранения. Коллекция оцифрована и размещена на дисках и сайте МУК ТБС в разделе «Электронная библиотека», 2 раза в год выпускаются информационные списки публикаций «Толстой и о Толстом». Они составляются с целью ознакомления пользователей библиотеки с новыми публикациями о Л. Н. Толстом, его творчестве и окружении, о музее-усадьбе Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» и публикуются в сборниках, в периодических изданиях.

Регулярно на сайте МУК ТБС пользователи знакомятся с новыми книжными поступлениями в Толстовский фонд. Изданы следующие библиографические пособия:

- Дайджест «Толстовские адреса на карте Тулы». – Тула, 2018, на основе дайджеста подготовлен одноименный аудиогид на платформе IZI TREVEL;
- Справочно-библиографическое пособие «Яснополянская богиня. Посвящается 175-летию со дня рождения Софьи Андреевны Толстой (Берс) (1844-1919). – Тула, 2019.
- Рекомендательное библиографическое пособие «Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев». – Тула, 2018.
- Библиографический справочник «Писатели-лауреаты областной литературной премии имени Л. Н. Толстого (1997-2017)». – Тула, 2018.

В периодическом краеведческом издании «Тульский краеведческий альманах» за 2020 год (вып. 17) опубликована статья кандидата исторических наук, руководителя клуба «Яснополянские четверги», библиотекаря ЦГБ им. Л. Н. Толстого Веденеевой О. Е. «И. Д. Грачёв и его воспоминания о встречах с Л. Н. Толстым».¹

¹ Веденеева О. Е. И. Д. Грачёв и его воспоминания о встречах с Л. Н. Толстым / О. Е. Веденеева // Тульский краеведческий альманах. – Тула : 2020. – Вып. 17. – С. 184-193.

Подчеркнуть уникальность Центральной городской библиотеки им. Толстого помогает читательский литературный клуб «Яснополянские четверги», организованный в 1978 году. В январе 2018-го клуб отметил свое сорокалетие. На протяжении 40 лет один раз в месяц в читальном зале ЦГБ собираются люди разных возрастов и профессий, искренние почитатели таланта великого русского писателя. Работает клуб «Яснополянские четверги» в тесном взаимодействии с музеем-усадьбой Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Домом-музеем В. В. Вересаева, Тульским областным художественным музеем, Тульским колледжем искусств им. Даргомыжского и Тульским академическим театром драмы.

Жизнь и творчество Л. Н. Толстого являются предметом изучения многих зарубежных исследователей. Гостями заседаний «Яснополянских четвергов» стали: литературовед, исследователь творчества Льва Толстого и Достоевского, почетный профессор университета Ниигата Сангё (Япония) Коити Итокава; вице-президент Толстовского фонда, доктор наук (США) Андрей Сергеевич Кочубей; профессор Государственного университета Чунбук (Республика Корея) Пак Сун Юн, профессор-помолог Изабелла Далла Раджионе (Италия) и американский актер Кен Рихтерс. Подписан договор о дружбе и сотрудничестве между Муниципальным учреждением культуры «Тульская библиотечная система» и Институтом изучения России и Алтая Государственного университета Чунбук (г. Чхонджу, Республика Корея).

2020 год – Год культурных обменов между Россией и Республикой Корея. 30 января 2020 года ЦГБ им. Л. Н. Толстого принимала группу преподавателей университетов Южной Кореи, посетивших Тулу. В сферу научных интересов некоторых преподавателей входит жизнь и творчество Л. Н. Толстого. Толстоведы получили приглашение принять участие в VI Толстовских правовых чтениях (2021 г.)

Жизнь клуба также отражена на сайтах МУК «Тульская библиотечная система», Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, Музея-усадьбы «Ясная Поляна», новостных отделов местных СМИ.

С 2014 года библиотека проводит Толстовские правовые чтения, организаторы которых являются: Тульское региональное отделение общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», Муниципальное учреждение культуры «Тульская библиотечная система», Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого, Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации. В чтениях принимают участие представители вузов, библиотек, музеев из Тулы, Москвы, Тамбова, Уфы, Саранска, Киева и др. Главная тема чтений – «Толстой и право».

В 2018 году, в год 190-летия со дня рождения Л. Н. Толстого, библиотека им. Л. Н. Толстого активно работала по продвижению творческого наследия писателя. Ярким и запоминающимся стал виртуальный проект «Тула читает Толстого», который прошел с 25 июня по 31 августа. В нем мог принять участие каждый житель города. Предлагалось на видеокамеру прочитать любимый отрывок из произведения Л. Н. Толстого. В проекте приняли участие более 100 человек, от 6 до 82 лет, жители не только нашего города, но и других регионов, а также почитатели творчества писателя из Италии, Словакии, Кореи и США. Съемки проходили в библиотеке, музее-усадьбе «Ясная Поляна», Доме-музее В. В. Вересаева. Итогом проекта стало торжественное вручение сертификата с фотографией участника, снятого в процессе чтения.

В социальной сети ВКонтакте прошел фотоконкурс «Я и Толстой». Для участия в конкурсе было необходимо прислать фотографии с изображением событий, предметов и т. п., имеющим отношение к имени Л. Н. Толстого. После подведения итогов голосования определились три победителя, которые получили призы.

В день празднования Дня города Тулы, 8 сентября 2018 года, Тульская библиотечная система организовала увлекательное и познавательное путешествие в эпоху Л. Н. Толстого – фестиваль «Толстой-фест», посвященный 190-летию великого земляка. В сквере около памятника Толстому для гостей и жителей города работали семь интерактивных площадок, где каждый нашел себе занятие по душе: «Литературный калейдоскоп», «Толстой-квест»,

занимательные и красочные мастер-классы по флористике «изготовление закладок из растений Ясной Поляны», изготовлению тряпичных кукол – «тульской барыни» и героя одноименного рассказа писателя «Филиппок». Кроме того, участники мероприятия могли попробовать себя в искусстве письма пером. Маленькие посетители фестиваля на площадке «Толстой-детям» посмотрели кукольный спектакль по сказке Льва Николаевича «Три медведя». Молодые духом и телом на площадке «Друзи со спортом, как Толстой» играли в русскую народную игру «Калечина-Малечина», городки, шахматы. Все желающие могли продегустировать вкуснейший чай из яснополянских трав и получить рецепт анковского пирога из «Поваренной книги» С. А. Толстой. В группе МУК ТБС ВКонтакте размещен видеоролик «Толстой-фест», а также альбом с фотографиями.

9 октября 2018 года в читальном зале Центральной городской библиотеки им. Л. Н. Толстого состоялась онлайн-конференция «С именем Льва Николаевича Толстого», посвященная 190-летию со дня рождения писателя. В дискуссии приняли участие сотрудники и руководители библиотек Тулы, Новосибирска, Севастополя и Костаная (Республика Казахстан), носящие имя Л. Н. Толстого. Участники рассказывали о мероприятиях, которые проводились в учреждениях в юбилейный год, высказали мнение, что онлайн-конференция была полезной для профессионального общения, обмена опытом работы в изучении, популяризации и сохранении наследия Льва Николаевича Толстого. Было принято решение продолжить сотрудничество.

Ежегодно в преддверии дня рождения великого писателя, 2–9 сентября в библиотеках МУК ТБС проходят мероприятия в рамках тематической литературной недели «Толстовская осень».

В этом году в читальном зале ЦГБ им. Л. Н. Толстого в рамках Толстовских дней состоялось открытие выставки графики художника, графика, иллюстратора, преподавателя ТулГУ Энгеля Исхакова «Сказ о Ясной Поляне». В экспозиции выставки – работы, выполненные в технике цветной графики, лирические зарисовки и философские размышления художника. Мастер рассказывал о своем отношении к Л. Н. Толстому, о том, как его участие в Международном форуме по ландшафтному дизайну

в Ясной Поляне в 2004 г. (диплом 2-й степени) повлияло на дальнейшие творческие проекты, связанные с именем писателя, в том числе и на создание выставки-альбома – «Сказ о Ясной Поляне». И нам очень приятно, что данный альбом был передан Ангелом Изимовичем в дар библиотеке, носящей имя Толстого.

«Толстовка» – фестиваль малой прозы и поэзии. Основная идея фестиваля заключается в живом общении современного автора с читателем, когда они оба объединены чтением вслух тематических произведений, с последующим их обсуждением и интеллектуальным общением. Фестиваль проходит в рамках уже существующего литературного проекта #наСЛУХУ, который каждый месяц проходил в стенах библиотеки им. Л. Н. Толстого. А чтение вслух, как мы знаем, всегда было главной традицией семьи Л. Н. Толстого.

Участниками первого фестиваля «Толстовка-2019» стали потомки Глеба и Николая Успенских – Сафронова Галина Дмитриевна и Анна Дудина. Они рассказали интересные факты из биографии своих именитых родственников, удивляя слушателей интересными фактами о сотрудничестве братьев с Некрасовым, Толстым, Тургеневым. Также в фестивале приняли участие тульский прозаик Михаил Остроухов и творческий дуэт из города Алексина «Почерк души» (Дмитрий Рыбников и Олеся Маматкулова).

В 2020 году проходит второй фестиваль «Толстовка-2020», где свое творчество представили: поэтесса, художник, автор картин и многочисленных стихотворных публикаций, Член Союза российских писателей, член Союза художников Елена Гаденова; поэты из города Калуги Вячеслав Ботук (лито «Галерея»), Андрей Тихонов (лито «Арктида») и Елена Злыгостева (лито «Современник», член Международной общественной организации Союза писателей и мастеров искусства). Несколько встреч фестиваля прошли онлайн и участники с нетерпением ждут итогов, которые подведут в декабре этого года.

Библиотеки в работе с Толстовской книгой использует эффективные формы и методы, помогающие эмоциональному восприятию материала читателем, побуждающие его обратиться к книге, прочитать или перечитать произведения Л. Н. Толстого, понять

его значимость как великого писателя. «Толстовиану» раскрывают открытые просмотры, фотовыставки, книжно-иллюстративные экспозиции, литературные вечера и многое другое. Работа МУК ТБС по продвижению творческого имени в культурно-экономическом пространстве города – это выход за пределы зоны непосредственного влияния усадьбы «Ясная Поляна», формирование «архипелага» мест, связанных с наследием Толстого.

Литература

Веденева О. Е. И. Д. Грачёв и его воспоминания о встречах с Л. Н. Толстым / О. Е. Веденева // Тульский краеведческий альманах. – Тула : 2020. – Вып. 17. – С. 184-193.

Мотив сновидений в повестях Л. Н. Толстого

*Надежда Владимировна Кикоть,
студентка факультета славянской филологии и журналистики
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*

Сновидения – одна из самых загадочных сторон человеческого бытия и неотъемлемая часть культуры. Наука обладает богатейшим материалом в области осмысления данного явления в философии, эстетике, культурологии, естествознании. Изучение поэтики сновидений является продуктивным направлением литературоведения.

В России первые попытки изучения сновидений в творчестве русских писателей были предприняты в 20-е годы XX века. Именно в данный период М. Гершензон начал исследование художественных текстов Александра Сергеевича Пушкина на наличие в них литературных сновидений. Объектом внимания исследователя стал сон Татьяны в популярном романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». В итоге исследования, М. Гершензон формулирует проблему сновидения в литературе как «текста в тексте».

Понятие композиционно-речевой формы, обозначающее, согласно определению Н. Д. Тamarченко, «фрагменты текста литературного произведения, имеющие типическую структуру и приписанные автором-творцом какому-либо из „вторичных“ субъектов изображения (повествователю, рассказчику, персонажу)», по нашему мнению, теоретически обосновывает проблему и в то же время выделяет нескольких разновидностей литературного сна. Он образует, как справедливо отмечает О. Б. Улыбина, «вполне самостоятельный фрагмент». К этому необходимо, прежде всего, добавить, что форма сна имеет определенную повторяющуюся структуру.

Содержание литературного сна можно описать как сформулированный комплекс мотивов. Они входят в состав его инвариантной структуры, обычно, выглядит в виде отрезка текста, имеющий свою начальную границу и конечную, которые замыкаются между собой. Отдельно необходимо обратить внимание на мотивы, они непосредственно связаны с временем

и пространством, характерным для мира сновидений. Сны героев произведений повествуют нам не только о их внутренней жизни, но и рассказывают о том, что сны имеют свой, отдельный сюжет.

Ученые разделяют литературные сновидения на сны, значимые для развития сюжета, и сны, предназначенные для раскрытия внутреннего мира героя. Литературный сон является как всевозможным психологическим экспериментом, так и структурным элементом произведения. Следовательно, мы можем говорить лишь о доминировании некой функции литературного сновидения в различных случаях.

Литературные сновидения – важная составляющая художественного мира. Наличие или отсутствие, тип или система взаимодействия сновидений, функции, выполняемые им – все эти составляющие поэтики сна определяют картину мира, созданную автором. Ученые не раз затрагивали вопрос взаимодействия поэтики сна и художественной реальности, но до недавнего времени роль онирических элементов не учитывалась в создании особого образа мира и не выделялась в качестве отдельной функции.

Также художественная реальность допускает проникновение в нее потусторонних сил. Ученые замечают, что «...бредовые видения и реальные картины изображены одинаково достоверно, при помощи одних и тех же приемов». Следовательно, возникает художественный эффект – «иллюзия реальности», когда становится сложно отличать реальность от выдуманного героем события. Именно для этого была выделена форма «необъявленного сна». Такой сон со стертыми границами является связующим звеном между взаимопроникающими мирами.

Повесть Льва Николаевича Толстого «Отец Сергей» была написана в 1890 году, именно в тот период, когда писатель уже пришел к «своему Богу». Его духовный путь был непрост и, по мнению Л. Н. Толстого, наполнен греховными слабостями. Но писатель не сдался и, проделав огромную интеллектуальную и духовную работу, отобразил ее в своих художественных произведениях.

Таким образом, в «Отце Сергии» в центре внимания берется именно духовный путь персонажа, его путь к Богу. В повести противопоставлены духовное и телесное в человеке, чувственные страсти и сновидения души, жизнь для бога и для людей.

Перед собой мы видим офицера Степана Касатского, который отрекается от своей карьеры и женитьбы на любимой девушке, изменившей ему с императором, уходит в монастырь. Чрезмерная гордость и уязвленное самолюбие толкает героя на такой поступок.

На первом этапе монашеской жизни Касатского мучает сомнение, правильно ли он поступил, но со временем он приходит к некому «усыплению». Мирские заботы и соблазны стали как будто меньше волновать Сергия: «... он узнал о смерти своей матери и о выходе замуж Мэри. Оба известия он принял равнодушно. Все внимание, все интересы его были сосредоточены на своей внутренней жизни».

В этот момент наступает второй этап монашеской жизни Сергия, он переходит в столичный монастырь. В герое вновь просыпается то, с чем он боролся – его соблазны. Главными мучениями его стали гордыня и похоть. В связи с этим, Касатский по совету своего наставника уходит в затворничество и поселяется в Тамбинской пустыне. Но и здесь, уже будучи зрелым человеком, Сергий не может совладать с собой, не может прийти к истинной вере: «Источников борьбы было два: сомнение и плотская похоть».

Сергий всем сердцем пытался избавиться от соблазнов, заглушая сомнения молитвой и самоуничтожением, но внутри у него все чаще возникал вопрос: «Зачем весь мир, вся прелесть его, если он греховен и надо отречься от него?».

На данном этапе мы встречаемся с первым сновидением, которое видит наш герой. Этот сон достаточно размыто отделен от условно-реального мира. Не ясны четкие границы окончания сновидения. Такой сон неоднозначен. Непонятно, реален он или нет. Однако его значение мы можем трактовать двояко.

Одна из особенностей заключается в том, что ситуация начинает развиваться именно во время сна героя («В лёгком сне ему [отцу Сергию] казалось, что он слышал колокольчики. Он не знал, наяву ли это было или во сне. Но вот из сна его разбудил стук в его двери»). Здесь, с одной стороны, мы видим, как скрытые желания отца Сергия, вытесненные в бессознательное, воплощаются в реальной жизни. Звон колокольчиков в данном случае

сопоставляется со стуком в дверь, с предвестником чего-то нового в жизни героя. Сон героя становится явью.

С другой стороны, в те времена верили, что звук колокольчиков имеет особую силу, что с его помощью из дома можно изгнать нечисть. Дальше мы видим, что после пробуждения был действительно стук в дверь и Сергей услышал женский голос. Он принимает женщину за дьявола, за нечистую силу («Боже мой! Да неужели правда то, что я читал в житиях, что дьявол принимает вид женщины...»). Таким образом, возможен вариант, что для человека, который пытался избежать и спрятаться от мирской похоти, этот звук стал предвестником нечистой, как казалось ему, силы.

И правда, для героя борьба с похотью стала невыносима. С ней он боролся страстно и эмоционально, соответствуя своей натуре. Чтобы не совершить падения, не нагрешить, Сергей отрубает себе палец топором. Именно болевой шок позволяет ему отвлечься от красоты вдовы Маковкиной, перед ее прелестью – такова была сила первородного греха в этом человеке.

Этот случай делает Сергия знаменитым, а женщина, удивленная внутренней силой героя, уходит в монастырь. На этом этапе жизнь мужчины как затворника заканчивается и превращается в жизнь светского человека. Люди его считают святым и способным исцелять.

Становится ясно, что за все эти годы Касатский ни на шаг не приблизился к Богу, к нему возвращается гордыня и честолюбие: «Он часто удивлялся тому, как это случилось, что ему, Степану Касатскому, довелось быть таким необыкновенным угодником и прямо чудотворцем, но то, что он был таким, не было никакого сомнения...». Он действовал во имя любви к себе, а не ради людей или Бога. И на этом этапе Сергия окутывает «плотский грех» с дочерью купца, что вводит его в шок и, разочаровавшись, герой решается на самый большой грех – самоубийство: «Да, надо кончить. Нет Бога!».

Здесь мы встречаемся со вторым сном в данном произведении. Это был «пророческий» сон, только он останавливает Сергия.

Перед тем как приснился сон, герой весь день провел в одиночестве, потому что поступок, который он совершил, разрушил

тот мир, в котором он жил, отец Сергей искал выход, он пытался решить, что ему теперь следует делать. Сон, который герой видел, содержит ответ на его вопрос. В сновидении он получил ясное и определённое указание, кто направит его на верный путь, кто подскажет ему, как жить дальше. Лев Толстой пишет, что во сне ангел сказал ему: «Иди к Пашеньке и узнай от неё, что тебе надо делать, и в чём твой грех, и в чём твоё спасение». Таким образом, сновидение указывает, где искать выход, где искать спасение. Оно связано с деятельностью отца Сергея накануне сна, с его эмоционально-психическим состоянием. Также мы видим, что герой верит этому сну, он исполняет то, что услышал во сне.

Сны герой видит перед какими-либо решающими событиями. И связано это с тем, что в судьбе героя сны играют роль пророчества, предсказания: такова первая и, несомненно, важнейшая функция сна в сюжете данного произведения. Итак, мы видим, что сон Сергея выступает как средство его характеристики, как композиционная вставка, как «пророчество», как отражение потаённого желания героя найти выход и поток его душевной жизни, как отражение его взглядов на мир.

«Утро помещика» – лишь небольшая часть задуманного «Романа русского помещика», которому Толстой придавал исключительное значение. По замыслу автора, это должно было быть произведение с содержанием большой социальной значимости, так как в нем Толстой хотел выразить свои взгляды на коренной вопрос того времени – крепостное право, взаимоотношение крестьян и помещиков.

В повести описывается утро из жизни помещика. Обходя своих крепостных, Нехлюдов видит покосившиеся полусгнившие избушки, изможденных женщин, худосочных детишек. Мы видим в представлениях помещика сильную фигуру Илюшки, занимающегося извозом, которому снится сон. Этот сон как введение другого контекста желаемого и свободного, почти райского существования. Ему снятся города: «Киев с угодниками и толпами богомольцев, Ромен с купцами и товарами, видит Одест и далекое синее море с белыми парусами, и город Царьград с золотыми домами и белогрудыми, чернобровыми турчанками, куда он летит, поднявшись на каких-то невидимых крыльях».

Это именно те города, которые приносят в их семью больше всего дохода. Для его счастья это и важно, чтоб города процветали, он мог заниматься извозом, потому что именно тогда и будут в его доме деньги.

Его сон наполнен только яркими красками и ощущениями полета, ощущениями свободы и спокойствия, душевного подъема и успеха. Золотые города свидетельствуют нам о богатстве и содержательности, синее небо, усеянное звездами – признак исчезновения всех неудач. Бескрайнее синее море с белыми парусами предстает перед нами как символ надежды, веры в светлое будущее всего народа.

Таким образом, благодаря сну Илюшки помещик понимает, что для счастья важны не только материальные блага, которые он готов предоставить крестьянам, но они не могут их принять из-за страха перед помещиком, а им нужна именно свобода.

После смерти великого русского писателя Льва Николаевича Толстого в его личном архиве среди множества бумаг, писем и набросков обнаружили «неоконченное повествование» – «Посмертные записки Федора Кузьмича, умершего 20 января 1864 года в Сибири, близ Томска, на заимке купца Хромова».

В данной повести рассказывается о невероятном сходстве старца Федора Кузьмича с Александром I. Повесть можно разделить на три части. Первая носит характер предисловия, в котором собраны исторические данные относительно отождествления императора и старца. Здесь Толстой приводит все доводы за и против. Во второй части излагается история смерти и подмены тела Александра в Таганроге, рассказанная старцем Федором Кузьмичом, но увиденная как бы глазами самого императора. Наконец, третья часть, имеет собственное заглавие – «Моя жизнь», она представляет собой собственно записки, дневник старца Федора Кузьмича. Первая запись датирована 12 декабря 1849 года, то есть она сделана за пятнадцать лет до кончины (умер старец в 1864 году). Поскольку произведение осталось незаконченным, в Записках описывается лишь детство старца-императора.

Именно в третьей части мы встречаемся со сновидением героя. Сон отображает одну из причин, почему же Александр совершает подмену себя на умершего солдата и начинает жизнь странника.

Император стремился избавиться от похоти, поэтому он хочет оставить не только престол, но выйти из мира. Толстой включает в Записки некоторые довольно натуралистичные описания «блудных искушений» императора. Ночью в нем сливаются в одно чувство «похоть» к убитой Настасье (любовнице Аракчеева), к бывшей своей любовнице Марии Антоновне Нарышкиной, которая его бросила, и ненависть к постылой жене. Производит впечатление и достойная фрейдизма сцена совмещения мыслей о чувственно красивой только что убитой любовнице Аракчеева и кровавом месиве на спине унтер-офицера, наказанного шпицрутенами, того именно человека, тело которого выдадут за тело якобы умершего императора.

Этот сон помогает нам понять психологию героя, его внутреннее состояние, особенности психики, помогает читателю заглянуть в самые сокровенные «уголки» его души, он ярко отображает страх, неприязнь и нелюбовь к своей жене. Все его чувства и переживания по данному поводу передаются через сон. Ведь действительно, герой плохо относился к своей жене и заглядывался на других женщин. Сон занимает одно из важнейших мест в произведении, но в тоже время не создает второго плана. Основная задача этого сновидения – передать душевное состояние героя-сновидца, передать психологическое содержание произведения. Исходя из этого и взяв во внимание классификацию сновидений по В. Н. Захарову, мы можем отнести данное сновидение к нефантастическим снам.

Сны в повестях Л. Н. Толстого несут большую смысловую нагрузку. В них автор передает ощущения своих героев, до конца не раскрываемых ими. Мы видим, что сон выступает как средство характеристики героя, как композиционная вставка, как «пророчество», как отражение потаенных желаний героя и потоков его душевной жизни, как отражение его взглядов на мир.

В повести «Отец Сергей» герой видит сны перед какими-либо знаковыми событиями. Сны, в первую очередь, играют роль пророчества, помогают выйти на правильный путь, понять себя. Именно благодаря сновидению герой находит свой путь, путь к Богу, что и было его смыслом существования. В повести «Утро помещика» сон Илюшки, который сам по себе был второстепенным

персонажем, играет немаловажную роль в произведении: он отображает одну из проблем повести. Сон одного героя раскрывает перед нами желание всего крестьянского народа – желание свободы. Что касается сновидения Федора Кузьмича в «Посмертных записках...», здесь также через небольшой онирический фрагмент передается кусочек психологии героя, которая касается плотских искушений старца.

Таким образом, мы можем заметить, что основная задача сновидений в повестях Л. Н. Толстого – передача состояния героя-сновидца, передача психологии героя, душа которого стремится к спокойствию и свободе.

Литература

1. Гершензон М. Видение поэта / М. Гершензон. – Москва : 2-я типолитография МГСНХ, 1919. – 79, [1] с.
2. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы / А. Б. Есин. – Москва : Просвещение, 1988. – 176 с. – SBN 5-09-000545-1.
3. Нечаенко Д. А. Сон, заветных исполненный знаков : таинства сновидений в мифологии, мировых религиях и художественной литературе / Д. А. Нечаенко. – Москва : Юридическая литература, 1991. – 302 с. – ISBN 5-7260-0579-1.
4. Тмарченко Н. Д. «Вещий сон» и художественная реальность у Пушкина и Достоевского («Капитанская дочка» и «Бесы») / Н. Д. Тмарченко // Сибирская пушкинистика сегодня : сборник научных статей. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. – С. 330–341.
5. Толстой Л. Н. Отец Сергей / Л. Н. Толстой. – Москва : Профиздат, 2015. – 368 с.

6. Толстой Л. Н. Полное собрание романов и повестей : в 2 томах. Т. 1 / Л. Н. Толстой. – Москва : Альфа-Книга, 2009. – 1279 с. – ISBN 978 5 9922 0359.
7. Толстой Л. Н. Утро помещика. Повести / Л. Н. Толстой. – Москва : Профиздат, 2012. – 416 с.
8. Улыбина О. Б. Сон как интертекст (на материале произведений русской литературы первой трети XIX века) / О. Б. Улыбина // Кормановские чтения : материалы Международной конференции «Текст – 2000» (Ижевск, апрель, 2001) / составитель Д. И. Черашняя. – Ижевск, 2002. – С. 44–49.

Толстовский миф в романе В. Пелевина «t»

*Юлия Константиновна Ковалёва,
студентка факультета славянской филологии и журналистики
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*

Толстовский миф, как и любой другой подобный миф, является определённой моделью человеческой личности и вызывает в подсознании человека различные внутренние либо внешние характеристики, которые ассоциируются с мифологизированной личностью: особенности взглядов, учений, биографию.

Многие учёные занимались рассмотрением мифов и мифологизации. Так, например, А. И. Журавлева рассматривала XXI век как время для создания «мифологической энциклопедии русской литературы», а Ю. М. Лотман рассматривал миф как культуру. В нашем исследовании мы рассматривали понятие «миф» в работах таких учёных как А. Ф. Лосев, Г. О. Винокур, И. М. Дьяконов, В. М. Пивовоев, Т. И. Борко, а также понятие «неомиф» в трудах Л. В. Ярошенко и Д. А. Батурина. Также мы использовали работы, исследующие биографию Л. Н. Толстого: В. Б. Шкловского, З. М. Богачёва и др.

Понятие мифа восходит к самой древности, однако до сих пор оно не имеет единой формулировки, что обуславливает актуальность изучения мифа и в наши дни. Миф, безусловно, тесно связан с культурой, жизнью и бытом человека, так, например, А. Ф. Лосев отмечал: «Миф является диалектически необходимой категорией сознания человека и его бытия вообще. Миф не есть бытие идеальное, но – жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до живости телесная действительность».

Понятие мифа и мифологизации А. И. Журавлёва рассматривает конкретно в классической литературе XIX в., говоря о том, что эта литература создала так называемую «новую русскую мифологию», которая продолжает активно использоваться и в XX в. Также исследовательница даёт важный комментарий на этот счёт: «Однако есть подозрения, что рубеж XXI в. закрывает определённый тип культуры и приходит пора для создания «мифологической энциклопедии русской литературы». Ведь пока

миф творится, он ещё не осознается как миф; кодификация начинается, когда эпоха завершена. И, похоже, мы стоим перед такой задачей». Речь идёт о завершении почти двухвековой «пушкинско-лермонтовской» эпохи и о выходе в новое культурное (или «посткультурное») пространство, где творчество и Пушкина, и Лермонтова, а также всех остальных «традиционных» авторов, присутствует уже не как «живая» ценность, а лишь в качестве источников «мифологем».

Возникновение биографического мифа может быть не всегда связано с действиями лица, подвергающегося мифологизации, оно предпосылает тот образ, который сформирован его творчеством и творческим поведением. Он может подвергаться различным изменениям, но именно это будет заложено в основу, затем будет изменяться в различных вариантах мифов, бытующих в массовом сознании. Поэтому для реконструкции биографического мифа важно выявить особенности образа, который является образом творческой личности как героя биографического мифа.

В современном литературоведении кроме традиционного использования писательской биографии как источника сведений о творческой истории создания художественных текстов, все большее применение находит такое понимание биографии, при котором предметом исследования становится биографический миф, создаваемый самим автором и его читателями. Источники этой легенды в первую очередь биографические сочинения: «исповеди», «признания», «дневники», «путевые записки», письма, интервью. Важны сопровождающие писателя условия его литературной репутации: культурно значимые жесты, «отмеченные» в сознании современников поступки, слухи и т. п.

Существует известный миф об анафеме, наложенной на великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. Однако это лишь часть правды, так как Толстой не только не подвергся анафеме, но и отлучён был не по канонам русской православной церкви, а в иной, более мягкой форме: «Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достоинство, явно перед всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его

матери, Церкви Православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной».

Изучив решение, можно было выявить несколько основных обвинений, в которых был признан Толстой: непризнание Святой Троицы; непризнание непорочности Девы Марии; непризнание воскрешения Христа и его божественной природы. Взгляды Толстого сильно расходятся с канонами не только православия, но и христианства в целом: «То, что я отрекся от Церкви, называющей себя Православной, это совершенно справедливо. И я убедился, что учение Церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же – собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающего совершенно весь смысл христианского учения. ... То, что я отвергаю непонятную Троицу и басню о падении первого человека, историю о Боге, родившемся от Девы, искупляющем род человеческий, то это совершенно справедливо».

В своём романе «т» В. Пелевин воплощает биографический миф об отлучении Толстого от церкви. В романе мы встречаемся с биографическим мифом, касающемся отлучения Толстого от церкви. Мы находим как подлинные факты этого события, так и мифологизированные детали, добавленные В. Пелевиным.

В начале романа главный герой, граф Т., переодевшись в рясу священника, едет в поезде с незнакомцем, который интересуется своим спутником и завязывает с ним беседу:

«– Какие же у вас имеются основания считать графа Т. нравственным авторитетом? – любопытствовал священник.

– Как же-с. Защитник угнетенных, благородный аристократ, не боящийся бросить вызов злу там, где бессильны полиция и правительство... Кумир простых людей. Любимец женщин, наконец. Настоящий народный герой, хоть и граф! Неудивительно, что его начинает опасаться даже правящий дом».

В словах героя Кнопфа мы можем отметить вопрос, касающийся авторитета церкви после принятого решения Синода. Следует отметить, что данное решение подготавливалось

довольно долго, ещё с конца 1880-х гг., однако Александр III не хотел, чтобы у Толстого помимо уже закрепившейся славы появился ещё и «венец мученика».

Ответная реакция народа на данное решение была разнообразна: Толстому приходили как обвинительные письма с угрозами, так и письма, поддерживающие писателя. Следует отметить, что последних было намного больше. После решения Синода общественность начала проводить различные акции в поддержку Толстого. Однажды Лев Николаевич получил телеграмму, подписанную сотней людей, которые выражали сочувствие по поводу случившегося. В дневнике Софьи Толстой за 6 марта говорится, что три дня подряд Льву Николаевичу устраивают овации, приносят корзины с живыми цветами, посылают телеграммы и письма, дома с утра до вечера – целые толпы посетителей.

Однако по-другому ведут себя журналы и газеты. В газете «Церковные ведомости» впервые появляется решение Синода. В дальнейшем «Ответ» Толстого на это решение не был напечатан сразу, и лишь спустя время несколько церковных изданий опубликовало его со значительным количеством сокращений. В примечании цензора отмечено, что он убрал около 100 строк, в которых граф Толстой «оскорбляет религиозные чувства». Светские издательства не печатали «Ответ», т. к. он получил запрет на перепечатку. Полный текст «Ответа» был напечатан в 1901 году за рубежом, а в России только в 1905 году в «Обновлении».

В романе В. Пелевин в одном из диалогов между героями вновь обращает наше внимание на отлучение писателя: «– *Представьте заголовки петербургских газет, – сказал Кнопф. – «Пожар на яхте сумасбродной помещицы...» Или так – «Отлученный от церкви граф празднует огненную помолвку с княгиней-язычницей...» Экстравагантная смерть не вызовет ни у кого подозрений.*

Граф получает эпитет «отлучённый», что говорит о важности произошедшего события. Он уже не просто граф, а человек, потерявший христианскую веру, отважившийся на брак с «язычницей». Говоря о заголовках газет, Пелевин отсылает к публикациям о Толстом в те времена. Заголовки напоминают «жёлтую прессу», которая так известна в XXI веке. Однако во времена Льва Николаевича газеты были либо светскими, либо церковными.

Светские газеты воздерживались от комментариев и статей на тему отлучения Л. Толстого, однако церковные поражали разнообразием жанров и форм, в которых изображался известный русский писатель.

Фёдор Кузьмич – герой повести Л. Н. Толстого «Посмертные записки старца Фёдора Кузьмича» в романе Пелевина обсуждает вопрос об отлучении с графом. Тем самым биографический миф раскрывается на основе не только фактов биографии, но и произведений Толстого и их героев.

Прототипом главного героя повести Толстого являлся, по мнению историков, император Александр I. Примечательно, что сам Толстой в эту легенду не верил, однако менее привлекательной от этого её не считал. Фёдор Кузьмич – имя старца, о жизни которого никто не догадывался, так как сам он не имел желания говорить о ней. Почему же его считали умершим императором? На это повлияло несколько событий того времени: во-первых, император умер очень неожиданно, без каких-либо причин; во-вторых, свою жизнь он закончил в маленьком, глухом городе – Таганроге; в-третьих, несмотря на то, что жил старец по правилам церкви, он отказывался говеть, и, наконец, последним фактом является образованность этого человека, которая проявлялась у него невольно в разговорах и жестах.

Не зря Пелевин обращает внимание на аккуратный маникюр Фёдора Кузьмича во время его встречи с графом Т. Несмотря на аккуратность его рук, он ведёт отшельнический образ жизни, верит в Бога, самозабвенно молится. В «Посмертных записках» Фёдор Кузьмич рассказывает о своей жизни в виде дневниковых записей, начиная с раннего детства, почти с рождения. Он помнит мать, отца, брата и бабушку, помнит своих гувернанток и воспитателя, помнит друзей детства. Несмотря на то, что прошло много лет, он помнит все чувства, которые вызывали у него эти люди: иногда любовь, иногда даже отвращение. Он помнит, что его называли Александром, чтобы он был таким же бравым завоевателем как Александр Македонский и таким же святым, как Александр Невский. Ещё с малых лет он осознавал, что отношение к нему будет особенным, что воспитывают его для великих целей. Но, несмотря на воспитание, в душе он хотел лишь уюта,

любви и прозрачности, которые видел, например, в доме своей кормилицы. Сам Александр пишет эти записи, будучи уже совсем другим человеком: он живёт в доме семьи, приютившей старца, он пытается освоить ремесло для той жизни, которую избрал (пытался научиться рубить дрова, точить топор). Старец, как и в романе В. Пелевина, находит облегчение в молитве и прочтении священных писаний, он искренне верует и самозабвенно молится. Однако руки с маникюром, деталь, на которую обращает наше внимание Пелевин, не упоминаются в произведении Толстого и являются лишь выдумкой, указывающей на происхождение известного старца Фёдора Кузьмича. Также существует миф о том, что образ жизни именно этого человека Толстой взял за образец для своей, что, однако, является лишь предположением. Считается, что его отказ от мирской жизни и путешествие в Оптину Пустынь – параллель жизни старца Фёдора Кузьмича.

В романе Виктора Пелевина, помимо уже описанного выше старца Фёдора Кузьмича, героя одной из повестей Толстого, встречаются также отсылки и к другим героям его произведений.

Лев Толстой был мастером описания душевных переломов в жизни человека, именно с ним связано понятие «диалектика души», то есть тонкий анализ событий внутреннего мира героев. В его романах такие переломы соотносились с какими-то событиями жизни, которые тем или иным образом влияли на состояние героев. Среди многих приёмов, используемых Толстым в его произведениях для обнаружения движений души героя, наиболее точным считается внутренний монолог. Этот приём Толстой использовал и в своём романе-эпопее «Война и мир».

Пелевин реализует толстовский миф посредством героев его произведений и эпизодов из них. Граф Т., прыгая в воду из поезда, лежит на спине и смотрит в небо: *«Небо редко бывает таким высоким, – подумал он, цураясь. – В ясные дни у него вообще нет высоты – только синева. Нужны облака, чтобы оно стало высоким или низким. Вот так и человеческая душа – она не бывает высокой или низкой сама по себе, все зависит исключительно от намерений и мыслей, которые ее заполняют в настоящий момент... Память, личность – это все тоже как облака... Вот, например, я...»*.

Его так же, как и князя Андрея, занимают философские вопросы, граф пытается разобраться в себе и постигнуть истине. Но, в отличие от Болконского, он лишь начинает свои размышления и прерывает их, не сделав никаких определённых выводов, так как осознаёт, что находится в неизвестном месте и не знает, куда ему идти и что искать. Душевные, философские поиски прекращаются, и граф Т. пытается вернуться к реальности.

Таким образом, В. Пелевин сделал графа персонажем романа, чтобы на его же примере подтвердить слова Толстого о том, что внутри человека могут происходить различные перемены, которые связаны с теми или иными событиями.

В. Пелевин в своём романе воссоздаёт историю увлечения Льва Николаевича Толстого крестьянкой Аксиньей, переживания о котором писатель подробно передал в своих дневниках. По приезде в деревню граф Т. встречает девушку-крестьянку – Аксинью. Она сразу пленяет главного героя: *«Т. заглянул в ее зеленые глаза и вдруг почувствовал мгновенное, бесстыдное и полное взаимопонимание с этим веселым юным существом. Аксинья улыбнулась – и столько в этой улыбке было красоты, мудрости и непобедимой силы»*.

Пелевин, добавляя иронические элементы (например, предложение лошади «рубить не палец»), сохраняет мысль, которую хотел донести до нас Толстой в «Дьяволе» и «Отце Сергии»: *«Как же так, – думал Т., – отчего так устроена душа? Почему мы за одну секунду проходим путь от ангела, ждущего, когда откроются райские врата, до блудливого демона, боящегося лишь одного – не допить чашу позорного наслаждения до дна, упустить из нее хотя бы каплю...»*. Подобно главному герою «Дьявола» граф Т. пытается скрыться от своей губительницы и уезжает от неё после встречи около гостиницы. Что Иртеньев, что граф Т., что сам Толстой избавляются от своих мучительниц лишь на время. Иртеньев после возвращения из Ялты на время забывает о своём грехе в облике Степаниды, однако неизбежно вновь встречается с ней, и исход этой встречи трагичен. Толстой видит Аксинью в жизни, не может забыть её, их встреча происходит на страницах «Дьявола» и продолжается вне реальности.

Граф Т. встречается через время уже не ту девку-крестьянку, которая покорила его сердце, а Аксинью Толстую-Олсуфьеву, известную писательницу, имевшую тесную связь с самим графом. Но могло ли произойти такое в реальной жизни? Могла ли девушка-крестьянка Аксинья, служившая в доме Толстого, оказаться на самом деле светским человеком, лишь притворившись крестьянкой ради идеи опрощения? Скорее всего, нет, ведь не стоит забывать о том, что роман о графе Т. писался в XXI веке, где девушка вполне способна на похожий поступок, особенно в рамках романа постмодерниста, чего не могло произойти в конце XIX века, в реальной жизни крестьян и их барина.

Пелевин подчеркивает ещё одну важную для него толстовскую мифологему: нравственную чистоту писателя. В истории, рассказанной автором романа «t», безнравственной оказывается Аксинья, которая является не невинной девушкой, а человеком, использовавшим великого писателя ради наживы, ещё и оклеветав его: «Во время их связи он постоянно принимал сильнейшие наркотические субстанции, которые делали его невменяемым. Несколько раз он пытался зарубить её топором. В результате – она совершенно разочаровалась в опрощении, бежала в Петербург и вернулась к светской жизни». Граф Т. искренне увлёкся крестьянкой (как потом выяснится опростившейся Олсуфьевой), его чувство было настоящим, как и все в графе Т., а Аксинья соблазнила его, её чувства корыстны.

И благодаря этому образу активной писательницы, массово выпускающий свои труды Пелевин, опять критикует современное писательское сообщество, замешанное исключительно на «sales pitch», коммерческой подаче, работая таким образом на раскрытии главной проблемы романа – взаимодействии «автора-героя-читателя»

В романе «t» мы встречаемся не только с героями произведений, но и с реальными личностями. Так, например, на страницах романа мы видим образ великого русского писателя Фёдора Михайловича Достоевского, который также достаточно мифологизирован.

Неудивительно, что в романе о графе Толстом именно Достоевский является ему на помощь, ведь с кем ещё

ассоциируется у нас классическая русская литература, которая известна во всем мире. В романе Достоевский – проводник графа в Петербурге, он рассказывает о происходящем в городе, помогает графу Т. добраться до нужного ему места. Неудивительно, что встречаются герои именно в Петербурге, в «Петербург Достоевского», который являлся отдельным персонажем в романах великого классика, помогал лучше прочувствовать и понять героев его произведений.

Таким образом, в романе В. Пелевина мифологизируется творчество Л. Н. Толстого, его биографии, писатель представляется культурным и художественным феноменом. Образ великого писателя превращается в нечто новое и современное, он мало в чём похож на реальную личность, но это естественные изменения персонажа, который, в отличие от своего прототипа, писателя Льва Николаевича Толстого, живет не в XIX веке, а в XXI. Но он даже в современной литературе остаётся великим русским писателем, чья биография привлекает и порождает новые произведения. В романе «t» мифологизации подвергается не только великий писатель, но и его персонажи, послужившие прототипами для героев произведения. Пелевин старается воспроизвести и дать жизнь не только мифам, окружающим Н. В. Толстого, но и погрузить в эту систему мифов ещё и его персонажей.

Литература

1. Журавлева А. И. Лермонтов в русской литературе. / А. И. Журавлева. – Текст: электронный // Сайт творчества Виктора Пелевина : [сайт]. – 2002. – 31 ноября. – URL: <http://pelevin.nov.ru/inews/?n=1036051335> (дата обращения: 30.11.2019).
2. Курьянова В. В. Толстовский текст и миф о Л. Н. Толстом в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова / В. В. Курьянова // Научный диалог. – 2019. – № 1. – С. 179–192.

3. Лотман Ю. М. Мифы народов мира : мифологическая энциклопедия : в 2 томах / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский ; под редакцией С. А. Токарева. – Москва : Советская энциклопедия, 1982. – 2 т.
4. Определение Святейшего Синода от 20–22 февраля 1901 года, с посланием верным чадам православных грекороссийских церкви о графе Льве Толстом // Церковные ведомости, издаваемые при святейшем правительствующем синоде. – 1901. – № 8 (февраль). – С. 45–47 (общая годовая пагинация).
5. Пелевин В. О. t : роман / В. О. Пелевин. – Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2017. – 416 с.
6. Петров Г. И. Отлучение Льва Толстого от церкви / Г. И. Петров ; [предисловие Л. А. Опульской]. – 2-е изд. – Москва : Знание, 1978. – 112 с. : портр.
7. Толстой Л. Н. Ответ на постановление Синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому поводу письма / Л. Н. Толстой // Л. Н. Толстой: pro et contra. – Санкт-Петербург : РХГИ, 2000. – С. 350.
8. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 томах / Л. Н. Толстой. – Москва : Художественная литература, 1979. – 22 т.

Для заметок

Для заметок